

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БЕЛГУ»)

**ПУБЛИЦИСТИКА СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА В ГАЗЕТЕ «НОВЫЙ
АМЕРИКАНЕЦ»: ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ**

Выпускная квалификационная работа
студента по направлению подготовки
42.04.02 Журналистика
очной формы обучения группы 86001313
Писаревской Анастасии Андреевны

Научный руководитель:
к. филол. наук, доцент
И. И. Карпенко

БЕЛГОРОД 2017

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ГАЗЕТА «НОВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ» В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА	10
1.1. Эмигрантский период в творчестве Сергея Довлатова	10
1.2. Деятельность Сергея Довлатова в газете «Новый американец»	15
Выводы к Главе I.....	20
ГЛАВА II. ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ И ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПУБЛИЦИСТИКИ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА В ГАЗЕТЕ «НОВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ»	23
2.1. Тематическая направленность публицистики Сергея Довлатова в газете «Новый американец»	23
2.2. Художественные приемы в публицистике Сергея Довлатова	43
2.3. Стилистические приемы публицистики Сергея Довлатова.....	53
2.4. Публицистические приемы в газете «Новый американец».....	58
Выводы к Главе II.....	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	73

ВВЕДЕНИЕ

Сергей Довлатов был и остается для российского читателя, прежде всего, автором глубоких, ироничных, не лишенных юмора художественных произведений. Однако публицистическая деятельность известного прозаика мало знакома для наших современников. В целом, публицистика Сергея Довлатова отвечает общим принципам этого творческого направления: заключается в попытке воздействовать на общество, привлечь внимание людей к какому-либо факту, добиться от них реакции, тематически злободневна, поднимает общественные, политические и экономические проблемы.

Публицистическое творчество открывает перед автором большой спектр средств выражения и художественных приемов, которыми он пользуется для придания яркости, эмоциональности и усиления воздействующего эффекта. Через них он выражает свою авторскую позицию и мнение, отношение к проблеме, также в художественных приемах отражена манера писателя. Поэтому публицистика индивидуальна: она носит черты своего автора. Публицистический стиль Сергея Довлатова отличается эмоциональностью, полемичностью. Особенно ярко это выражено в «Колонках редактора», которые он вел в газете «Новый американец» с 1980 по 1982 годы. Писательской манере Довлатова присущ лаконизм, он умел смешно, даже абсурдно показать грустное, комическое у него переплеталось с трагическим. Он показывал реальность через призму иронии и юмора.

Актуальность. Творчество Сергея Довлатова в общем пользуется заслуженной популярностью у читающей публики. Но если в 1990-х гг. интерес к нему возрастал, то сейчас внимание к его творчеству спадает. Этот фактор дает возможность объективно и всесторонне изучить наследие писателя. Проза Довлатова оказалась в центре научных исследований в конце XX века, однако, сегодня, когда прошло больше десяти лет, следует взглянуть на творчество автора с новой стороны, изучить его

публицистическое творчество, как редактора и колумниста газеты «Новый американец».

В этом случае изучение творчества Довлатова в газете «Новый американец» дает возможность дополнить имеющиеся представления о тематическом разнообразии прозы писателя, а обращение к художественным приемам открывает прямой путь к новым аспектам интерпретации авторской манеры и стиливых особенностей его прозы.

Предметом исследования послужило публицистическое творчество Сергея Довлатова в газете «Новый Американец».

Объектом выступают тематические особенности публицистики Сергея Довлатова в газете «Новый Американец», художественные приемы, которые он использует в этом издании.

Цель дипломной работы – охарактеризовать систему художественных приемов и тематику творчества Сергея Довлатова в газете «Новый американец».

Все сказанное обуславливает постановку и решение следующих **задач**:

1. рассмотреть основные факторы, способствовавшие эмиграции писателя;
2. проследить развитие публицистического творчества Сергея Довлатова в эмигрантский период;
3. охарактеризовать своеобразие работы Довлатова в газете «Новый американец»;
4. выявить основные тематические группы в период работы Сергея Довлатова в газете «Новый американец»;
5. охарактеризовать влияние художественных приемов на манеру автора и зависимость их использования от выбранной темы.

Методы исследования, использованные в работе, определяются целью, задачами, объектом и предметом исследования и включают в себя:

– типологический метод, направленный на выявление и классификацию тематических групп публицистических выступлений Сергея Довлатова в газете «Новый Американец»;

– метод анализа и синтеза, применяемый при отборе и изучении эмпирического материала исследования;

– реферативно-аналитический, индуктивно-дедуктивный и сравнительный методы, использованные для систематизации теоретического материала;

– описательный метод, используемый при анализе художественных приемов публициста.

Теоретическая база дипломного исследования. В числе наиболее ценных научных работ, посвященных творчеству Сергея Довлатова, его авторской манере и юмору, следует назвать труды Ю. Е. Власовой, Ж. Ю. Мотыгиной, Ю. Б. Орлицкий, и ряда других авторов.

Наиболее полное представление о творческом и жизненном пути Довлатова помогли составить мемуары его жены и дочери Елены и Екатерины Довлатовых, а также статьи, написанные многочисленными друзьями писателя (прозаиками, поэтами, критиками и др.). В них содержатся ценные воспоминания, которые поспособствовали составлению представления об атмосфере, в которой жил писатель, помогли лучше понять людей, с которыми он близко общался. Это, прежде всего, воспоминания А. Арьева, П. Вайля, А. Гениса, Н. Аловерт, И. Бродского и многих других.

Для объяснения зависимости художественных приемов от темы материала использовались работы Л. Сальюна, Н. Орловой, Н. Кочеткова и другие. Кроме этого, стоит назвать В. Ерофеева, И. Сухих и В. Попова, которые в воспоминаниях о Довлатове описывают и его художественные достижения, помогая лучше узнать его как писателя и журналиста.

Эмпирическая база включает в себя 130 текстов Сергея Довлатова, опубликованных в газете «Новый американец» за период с 1980 по 1982 год. В качестве вторичного материала использовалась книга «Речь без повода...»,

или Колонки редактора: Ранее неизданные материалы» – сборник текстов Сергея Довлатова, опубликованных в газете «Новый американец». Данное издание предоставляет наибольшие возможности для исследования его публицистического творчества в названной газете, так как включает в себя полное собрание всех колонок, опубликованных в «Новом американце», а также документальные данные о работе Довлатова в эмигрантский период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1980 по 1982 годы, и оправдываются периодом сотрудничества Сергея Довлатова с газетой «Новый американец».

Степень научной разработанности на сегодняшний день представляется неполной, так как с одной стороны специфика творчества и авторская манера Сергея Довлатова уже описывались в научных работах, с другой стороны его журналистское мастерство, характер творчества, темы и художественные приемы, используемые им на страницах газеты «Новый американец» остаются не изученными.

Новизна исследования состоит в том, что в работе предпринята попытка классификации тем, которые затрагивал Сергей Довлатов в колонках редактора, публиковавшихся в эмигрантской газете «Новый американец». В данной работе представлена попытка расширенного изучения художественных приемов публициста. Особое внимание уделяется использованию публицистических приемов в совокупности с художественными – особой авторской манере писателя.

Теоретическая и практическая значимость работы. Основные положения и выводы, полученные в ходе работы, могут помочь по-иному взглянуть на творчество Довлатова и на действительность, в которой он жил. Практическая ценность работы состоит в том, что в данном исследовании систематизируются и анализируются темы, которые волновали Сергея Довлатова, как представителя эмиграции третьей волны, которые могут быть применены в дальнейших исследованиях публицистики и в практике преподавания современной международной журналистики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Тематика текстов, опубликованных в газете «Новый американец», отличается разнообразием, но при этом носит простой, незамысловатый «анекдотический» характер, что позволяет создавать увлекательность сюжета;

2. Взаимодействие «анекдотической картины мира» с реальной прослеживается в «Колонках редактора», где автор показывает нравственный выбор, поведение и действия персонажей, тем самым, лишая тексты необходимости морали, поучения, поскольку предоставляет читателю самостоятельно сделать выбор;

3. Этико-эстетическое своеобразие прозы Довлатова, заключается в переплетении художественных и публицистических приемов;

Апробация работы. Отдельные аспекты работы были представлены в рамках выступления на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2017» (г. Москва), на научной конференции «Журналистика, массовые коммуникации и медиа: взгляд молодых исследователей» (г. Белгород) и в XII выпуске сборника трудов молодых учёных «Актуальные проблемы журналистики» (г. Томск) По итогам работы в свет вышло – 2 научных публикации.

Структура и содержание работы определяются указанными целью, задачами и методологическими установками настоящего исследования. Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и списка использованной литературы.

Во **введении** дается обзор изученности проблемы, излагаются актуальность, цели, задачи исследования, методы исследования, новизна исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава – «Газета «Новый американец» в творчестве Сергея Довлатова» – посвящена творчеству писателя в эмигрантский период, причинам его эмиграции, а также журналистской деятельности Довлатова в газете «Новый американец».

Во второй главе – «Стилистическая и тематическая направленность публицистики Сергея Довлатова в газете «Новый американец» – рассматриваются тематические группы: о Советском Союзе, об Америке, о свободе, об эмигрантах и эмиграции, о работе в газете. Кроме этого, исследуются художественные и публицистические приемы, которые использовал автор, стилистика колонок.

В Заключении сформулированы основные выводы работы и намечены перспективы для дальнейших исследований.

ГЛАВА I. ГАЗЕТА «НОВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ» В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

1.1. Эмигрантский период в творчестве Сергея Довлатова

Постоянные преследования, материальные затруднения, невозможность легально печатать свои произведения подтолкнули Довлатова к эмиграции. Вслед за своей женой Еленой и дочерью Екатериной писатель в 1979 году вместе с матерью выезжает сначала в Вену, а оттуда вылетает в Нью-Йорк.

«Представьте себе, – иронизировал по поводу своего отъезда Довлатов, – в Ленинграде ходит такой огромный толстый дядя, пьющий. Печтается в «Континенте», в журнале «Время и мы» (журналы русской эмиграции). Участвует в литературной жизни, знаком с Бродским. Шумно везде хохочет, говорит какие-то глупости, ведёт вздорные антисоветские разговоры и настоятельно всем советует следовать его примеру. И если существовал какой-то отдел госбезопасности, который занимался такими людьми, то им стало очевидно: надо либо сажать, либо высылать. Они же не обязаны были знать, что я человек слабый и стойкий диссидент из меня вряд ли получится...» [Довлатов 1990, [http](#)].

Эмигрировал Довлатов по нескольким причинам, среди них он отмечал, что оставаться в Советском Союзе было небезопасно, его произведения отказывались печатать. «Я уехал, чтобы стать писателем, и стал им, осуществив несложный выбор между тюрьмой и Нью-Йорком. Единственной целью моей эмиграции была творческая свобода» [Писатель в эмиграции: Журнал «Слово – Word», [http](#)]. При этом писатель подчеркивал, что особых претензий к властям у него не было. «Если бы меня печатали в России, я бы не уехал» [Писатель в эмиграции: Журнал «Слово – Word», [http](#)].

«Первая эмиграция» Довлатова произошла в сентябре 1972 году, когда он переехал в Таллинн. Поначалу Довлатов работал кочегаром, а затем

корреспондентом в местной газете «Советская Эстония», продолжил журналистскую деятельность в газете «Вечерний Таллин». Одновременно с этим посылал рассказы в журналы «Юность» и «Звезда». Таллинский период жизни знаменателен попыткой напечатать в издательстве «ЭэстиРаамат» сборник «Городские рассказы», но, как не боролся за сборник главный редактор издательства Аксель Тамм, по приказу из КГБ Эстонской ССР, набор книги был остановлен. Однако именно в «волшебном» Таллине зарождались такие произведения, как «Ремесло», «Компромисс». «Первая эмиграция» Довлатова закончилась неудачно, и в 1975 году он вернулся в Ленинград.

В скором времени произведения Довлатова стали публиковать в зарубежных журналах. В 1976 году рассказ «По прямой» опубликовал журнал «Континент» (№11), основанный в 1974 году писателем Владимиром Максимовым в Париже. В журнале «Время и мы», выходящем в Тель-Авиве под редакцией Виктора Перельмана, появились рассказы «Голос» и «На что жалуетесь, сержант»? В 1978 году довлатовская «Невидимая книга» вышла в американском издательстве «Ардис». В те годы публикация за рубежом, без согласия советских властей, означала, как правило, полный запрет на публикации в Советском Союзе. Судьба писателя, таким образом, была предопределена.

18 июля 1978 года Довлатова арестовывают и сажают на 15 суток. В «Каляевском спецприемник» его избивали и обвиняли в тунеядстве, содержании притона и распространении нелегальной литературы, в качестве которой рассматривались собственные произведения Довлатова.

Не без помощи друзей Сергея Донатовича выпустили, и 24 августа вместе с мамой Норой Сергеевной они вылетели в Вену. «Меня никто не выкидывал, не вытеснял, не высылал... Просто сама жизнь так сложилась. В наручниках меня никто не заставлял туда ехать - просто посоветовали» [Довлатов 1990, <http>].

Сергея Довлатова, Нору Сергеевну и в отеле с «Адмирал», специальный фонд выплачивал им пособие – 4700 австрийских шиллингов в месяц на троих (в те времена – это 360 долларов). Однако вскоре фонд сократил дотации. Начались бумажные проволочки и бюрократические формальности, которые затягивали вылет в Америку. Надежды эмигрировать и прославиться за рубежом становилось все меньше. «Есть «Невидимая книга» в издательстве «Ардис» у Карла Проффера – но станет ли она «видимой», произведет ли эффект, сделает ли его известным на Западе литератором?» [Попов 2010, С. 42].

В своих письмах из Вены Довлатов все чаще рассуждал о будущем: «Перспективы мои туманны, но увлекательны. Печататься зовут все. Но! Либо бесплатно, либо почти бесплатно – (“Эхо”, “Грани”, “Время и мы”, либо изредка – “Континент” и американская периодика: “Русское слово” и «Панорама»). Проффер говорит – реально поступить в аспирантуру. Или добиваться статуса в периодике. Или катать болванки у Форда. Мне подходит всё» [Попов 2010, С. 54].

Находясь в Вене, Довлатов не мог упустить шанса «испытать» собственную известность. Он с успехом выступал перед аудиторией эмигрантов. Однако сразу заметил, что здесь «уровень литературы» значительно ниже, чем в России. Читатели тоже здесь другие, они не воспринимали его всерьез, считали его шутником, автором «хохмочек про Совдепию» [Попов 2010, С. 102]. Надолго затянувшийся вылет в Америку позволил Довлатову написать в Вене с начала до конца первую крупную книгу – «Заповедник». Именно в столице Австрии писатель впервые почувствовал ту свободу, к которой он давно стремился.

26 февраля 1979 года Сергей Довлатов прибыл в Нью-Йорк. «Мы поселились в одной из русских колоний Нью-Йорка. В одном из шести громадных домов, занятых почти исключительно российскими беженцами» [Довлатов 2008, С. 22].

В Нью-Йорке Довлатовы занимали небольшую трехкомнатную квартиру. Довлатов писал: «Две вещи как-то скрашивают жизнь: хорошие отношения дома и надежда когда-нибудь вернуться в Ленинград» [Довлатов 1986, [http](#)]. Особого финансового достатка литературная деятельность в США не приносила. Жена Довлатова Елена к приезду мужа уже работала в газете «Новое русское слово», главной русской газете Америки, сначала корректором, а затем наборщицей.

В письмах к Людмиле Штерн Довлатов писал: «Моя растерянность куда обширней средних эмигрантских чувств. В газетах обо мне пишут. По радио говорят. Дважды выступал почти бесплатно, но с успехом. Книжки выходят, и будут выходить. Есть четыре издательских предложения. Все – несолидные. Ни денег, не престижа. Есть халтура на радио Liberty. В «Новое русское слово» пиши хоть каждый день» [Малоизвестный Довлатов 1999, С. 171].

В своих произведениях Довлатов не раз подчеркивал, что первые полгода эмигрантской жизни провалялся на диване в поисках своего места. Но это не совсем так. За полгода в США его опубликовали в журнале «Время и мы», в парижском «Континенте», также он выпустил несколько передач на радио «Свобода». И даже однажды поместил статью о Владимире Уфлянде в «Новом русском слове». В «Нью-Йоркере» был опубликован его первый рассказ, переведенный на английский. Это было важным событием для Довлатова и его переводчицы.

«В декабре журнал «Ньюйоркер» опубликовал мой рассказ. И мне действительно заплатили около четырех тысяч долларов. Линн Фарбер казалась взволнованной и счастливой. Я тоже, разумеется, был доволен. Но все-таки меньше, чем предполагал. Слишком долго, повторяю, я ждал этой минуты. [...] Затем мне позвонил редактор «Ньюйоркера». Сказал, что и в дальнейшем хочет печатать мои рассказы» [Довлатов 2008, С. 42].

К середине 1980-х годов XX века Сергей Довлатов стал популярным в США писателем, его произведения печатались в таких известных журналах

как «Партизан Ревью» (Partisan Review) и «Нью-Йоркер» (The New Yorker). В это же время он работает в газете «Новый американец» сначала в отделе культуры, а затем редактором.

За годы жизни в Америке, вплоть до смерти в нью-йоркской машине «скорой помощи», Довлатов написал около двенадцати книг, в числе которых циклы рассказов «Чемодан», «Компромисс», повести «Заповедник», «Иностранка» и др. Все они, так или иначе, автобиографичные, отражают историю жизни самого рассказчика – до и после эмиграции. Американскими критиками ему отведено место среди фантастов и юмористов. Тем временем читатели в СССР также знакомились с творчеством Сергея Довлатова по самиздату и авторской передаче на радио «Свобода». «Все 11 лет в Америке мне дико везло с литературой. Именно везло. Говорю без всякого кокетства: мне повезло в том смысле, что Бродский захотел мне помочь, а он человек совершенно непредсказуемый. Мне повезло с переводчиком, с агентом – у меня общий агент с Найполом, Беккетом, Салманом Рушди и Алленом Гинсбергом. Мои сочинения легко переводить. А между тем Зощенко, наш любимый писатель, до сих пор толком не переведен на английский, а у меня здесь вышло 12 книжек по-русски и 5 по-английски» [Попов 2010, С. 68].

Сегодня некоторые литературоведы склонны противопоставлять советский и американский периоды творчества Довлатова. Критик и прозаик Андрей Арьев, который был близок Довлатову, с этим не согласен: «Собственно говоря, у него существует только один период творчества – это то, что он написал в Америке и то, что он там же отредактировал», – считает литературовед. Он также напоминает, что в своем завещании писатель просил впредь не публиковать никаких своих текстов, написанных в СССР» [«В загранке», [http](http://)].

Довлатов прибыл в Америку, чтобы осуществить свою давнюю мечту – свободно опубликовать то, что обдумывал, вынашивал годами. Многие из написанного Довлатовым, связано с Советским Союзом – с Ленинградом, с Таллинном, с лагерями и со всем, что он видел в СССР. Но создано это было

не на родине, а в Америке. И, как писатель, существует только один Сергей Довлатов, который с 1978 по 1990 год творил, в основном, в Нью-Йорке.

«Все довлатовские географические передвижения определяло стремление стать писателем – не для круга друзей, а для всех, настоящим, с книжками: в соответствии с таким азимутом он перемещался с востока на запад» [Довлатов 2006, С. 1].

1.2. Деятельность Сергея Довлатова в газете «Новый американец»

К приезду Довлатова в Америку существовала лишь одна старейшая газета «Новое русское слово» (далее – «НРС»). Владельцем «НРС» был эмигрант первой волны с соответствующим отношением к представителям третьей Андрей Седых. Его личные симпатии и антипатии довольно сильно исказили реальную картину русской жизни в Америке.

К тому времени в Нью-Йорке оказалось уже много новых эмигрантов – профессиональных журналистов. Но из-за личных пристрастий главного редактора единственной газеты, не все имели возможность публиковаться там. Стали возникать разговоры о том, что нужна альтернативная газета. Среди тех, кто поддержал эту идею, были Евгений Рубин, Алексей Орлов и Борис Меттер, затем они пригласили Довлатова и его жену. «В тот вечер долго и шумно обсуждали, какой должна быть новая газета. Она должна была отображать все аспекты жизни эмигрантов, отвечать на множество вопросов: от того, на какие курсы по изучению языка пойти, где купить мебель, как найти врача, где снять квартиру, как провести досуг, какие книги и где купить или взять прочесть, до советов экономистов и врачей. Все материалы должны быть написаны живо, увлекательно и хорошим русским языком». – Так видели свою будущую газету «новые американцы» [Довлатов 2006, С. 13].

После долгих обсуждений концепции новой газеты, творческая группа «новых американцев» пришла к выводу, что газета должна отличаться от

«Нового русского слова» всем, чем можно: подходом к освещению одних и тех же событий, форматом, версткой.

Место в газете распределили следующим образом: Борис Меттер стал президентом, Евгений Рубин – редактором, Алексей Орлов взял на себя политику, спорт и многое другое, Сергей Довлатов назначался в отдел культуры.

Впоследствии во второй части «Ремесла». Сергей Довлатов описал этот период. Но написано это было уже с позиций осмысленных, после завершения работы в газете.

Елена Довлатова отмечает, что тогда они считали, что «нашли свое место в новой жизни. И не просто место, а возможность делать, что умеешь» [Довлатов 2006, С. 14]. Однако Сергей Довлатов не считал журналистику делом своей жизни. Для него это был лишь способ заработать на жизнь. Потому что главным было – жить жизнью писателя, профессионального литератора. «Я не журналист по духу. Меня не интересуют факты, я путаю, много вру, я не скрупулезный, не энергичный, короче – не журналист. Хотя всю жизнь зарабатывал именно этим» [Довлатов 1990, [http](#)].

Этап подготовки первого номера затянулся почти на год. Это было связано с отсутствием средств на выпуск газеты. Так что, первые расходы на газету были поровну оплачены женами четырех журналистов. 8 февраля 1980 года вышел первый номер «Нового американца». На второй полосе были опубликованы поздравления, присланные к этому дню Владимиром Максимовым, Валентином Турчиным, Виктором Некрасовым, Игорем Ефимовым, Владимиром Марамзиным.

Через несколько недель к «новым американцам» присоединились еще трое, бывших сотрудников «Нового русского слова». Лев Штерн, Петр Вайль и Александр Генис перешли в новую газету. Это не последнее пополнение «Нового американца».

Но не прошло и четырех месяцев, как в коллективе газеты возникла напряженность. В итоге «Новый американец» решил сменить редактора. На

очередной летучке, при обсуждении вышедшего двенадцатого номера и подготовке тринадцатого, Сергею Довлатову было предложено занять эту должность.

Конечно, газета подвергалась критике со стороны читателей и конкурентов. Последние указывали на легкомысленность, некоторую облегченность в подаче тем, однако такого разнообразия тем и доступности языка в описании разных проблем не было ни у одной газеты. «Там можно было найти все: политический обзор за неделю, обзор культурной жизни, литературное приложение, то есть увлекательное чтение, статьи экономистов и многое другое. Было много информации о самом необходимом. Популярностью среди эмигрантов третьей волны газета пользовалась необычайной. Это была, если можно так выразиться, народная газета» [Довлатов 2006, С. 15].

В воспоминаниях Нины Аловерт отмечается, что газету критиковали и хвалили, любили и ненавидели, но все рано обращались к ней: «Все дружно шли в киоск в день продажи покупать «Новый американец» – одни, чтобы насладиться чтением, другие, чтобы возмущаться: газета родилась с нашим приездом, она полностью отражала наши интересы, разноречивое отношение, как к русским проблемам, так и к Америке» [Довлатов 2006, С. 11].

«Новый американец», не сказав ничего нового, говорил по-другому. Он завоевал любовь читателя только потому, что обращался к нему по-дружески, на хорошем русском языке. «Газета стряхнула идиотское оцепенение, которое охватывало нас при виде печатной страницы. При этом Сергей с его безошибочным литературным вкусом вел газету по пути завещанного Ломоносовым «среднего штиля», – вспоминает о газете Александр Генис» [Довлатов 2006, С. 13].

Именно таким средним стилем, легко и непосредственно, в полу анекдотической форме писал Сергей Довлатов в газете «Новый американец». В каждом номере на второй полосе Довлатов писал обращение к читателю, получившее название «Колонка редактора» (далее –«КР»). «Эти колонки

казались настолько интересными, что люди начинали чтение каждого номера именно с них. И каждый раз гадали, о чем будет следующая», – вспоминает Елена Довлатова [Довлатов 2006, С. 15].

Колонки в значительной степени определяли лицо газеты, ее отличие от «Нового русского слова» и от еженедельника «Новая газета», которую стал выпускать Евгений Рубин после того, как «Новый американец» ушел от него. «Колонки редактора» в большой степени создавали атмосферу участия читателя в жизни газеты. Они получали большой отклик среди людей, вызывали реакцию, не всегда положительную, на то или иное высказывание писателя. «Каждый номер обсуждался не только сотрудниками на летучках. Читатели выражали свое мнение по телефону, писали письма, заходили в редакцию. Равнодушных в то время не было» [Довлатов 2006, С. 15]. Вскоре газету стали в простоте называть «довлатовской». «Избегая тупого официоза и вульгарной фамильярности, под прямым нажимом Довлатова все тут писали на человеческом языке приятельского общения» [Довлатов 2006, С. 7]. За это и любили читатели газету «Новый американец». Она не старалась наставить их на какой-либо путь, навязать свои взгляды, она просто была другом и товарищем для людей, которые далеки от своей Родины и нуждаются в поддержке и дружеском участии.

И не важно, чему были посвящены колонки. Чаще всего они не имели конкретного повода. Однако «эти резные, словно шкатулки, легкие опусы держались на тайном, но строгом, почти стихотворном, метре и требовали изрядного мастерства» [Довлатов 2006, С. 8].

Довлатов был не просто редактором газеты «Новый американец», он был ее незаменимым сотрудником. Вот как о нем вспоминает Александр Генис: «В газете Довлатов, конечно, умел все, кроме кроссвордов. Он владел любыми жанрами – от проблемного очерка до подписи под снимком, от фальшивых писем в редакцию до лирической зарисовки из жизни русской бакалеи, от изящного анекдота до изобретательной карикатуры» [Довлатов 2006, С. 9].

За время работы в «Новом американце» Довлатов, кроме чисто журналистских материалов, опубликовал множество своих рассказов, статей, докладов, прочитанных им на нескольких международных конференциях славистов. Большое количество рассказов, вошедших в книгу «Наши», было впервые опубликовано в газете.

Редакция разрасталась, приходили новые журналисты, присылали новые стихи, рассказы, росла подписка. И все-таки именно в этот период обнаружились все проблемы, которые привели газету к закрытию: неумение вести финансовые дела, неумение быть терпимее и ладить друг с другом. Атмосфера в газете все накалялась. Кроме этого, постоянный оппонент и главный критик «Новое русское слово» то и дело вставлял палки в колеса. «Вход шло все. Авторам ежедневной газеты недвусмысленно давали понять, что они не могут публиковаться в обоих изданиях. И авторам, и рекламодателям часто намекали, что в еженедельнике работают сотрудники КГБ. И так в продолжение всего срока существования «Нового американца» [Довлатов 2006, С. 17].

Сам Довлатов выделял несколько причин, ускоривших развал «Нового американца». Он «провалился, как все на свете проваливается, по разным причинам: косность читательской эмигрантской аудитории. Отсутствие делового опыта. Неумение строить личные отношения в редакции и т. д.» [Довлатов 1990, [http](#)]. Однако писатель отмечал, что чем хуже складывались обстоятельства в русской газете, тем успешнее шли его дела в американской литературе.

История «Нового американца» закончилась с уходом Довлатова из газеты. То есть газета еще некоторое время существовала. Но без Довлатова «Новый американец» утратил главное, ради чего он создавался: «черты демократической альтернативной газеты. Он перестал быть свободной дискуссионной трибуной» [Малоизвестный Довлатов 1999, С. 96]. Несмотря на то, что там продолжали работать талантливые журналисты.

Довлатов признавался, что период его жизни, связанный с «Новым американцем», был лучшим временем, а газету называл своим детищем.

Выводы к Главе I

Рассмотрев деятельность Сергея Довлатова в газете «Новый американец» можно сделать следующие выводы.

Эмигрировать автор был вынужден в связи с трудным материальным положением, преследованием властных структур и не возможностью самореализоваться. По словам Довлатова, он уехал, чтобы стать писателем, поскольку в Советском Союзе его произведения не печатались.

Эмиграция в Таллин вернула писателю вдохновение, веру в себя. Именно в этом городе зарождались такие произведения Довлатова, как «Ремесло», «Компромисс». Он и здесь не оставлял попыток опубликовать свои тексты, но снова безуспешно. После неудачи писатель возвращается в Ленинград.

Публикации в зарубежных журналах предопределили дальнейшую судьбу писателя. Довлатова печатают в «Континенте» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), американском издательстве «Ардис». После этого дорога в советскую периодику для него была закрыта. И в 1978 году Довлатов эмигрирует в Америку окончательно.

Трудности в новой стране лишь закалили Довлатова и раскрыли его талант. В «Нью-Йоркере» был опубликован его первый рассказ, переведенный на английский. Это было важным событием для Довлатова и его переводчицы. Но это не приносило ни денег, ни престижа. В таком же положении оказались и другие писатели и журналисты, которым не досталось места в единственной на тот момент русскоязычной газете Андрея Седых «Новом русском слове».

Так родилась идея создать свою газету под названием «Новый американец». После долгих обсуждений концепции новой газеты, творческая

группа «новых американцев» пришла к выводу, что газета должна отличаться от «Нового русского слова» всем, чем можно: подходом к освещению одних и тех же событий, форматом, версткой. Сначала Довлатов работал в отделе культуры, а затем редактором.

Легко и непосредственно, в полу анекдотической форме писал Сергей Довлатов в газете «Новый американец». В каждом номере на второй полосе Довлатов публиковал обращение к читателю, получившее название «Колонки редактора». Они занимали полторы страницы, но были настолько интересными, что люди начинали чтение каждого номера именно с них, и гадали, о чем будет следующая.

Колонки в значительной степени определяли «лицо» газеты, ее отличие от «Нового русского слова» и от еженедельника «Новая газета», которую стал выпускать Евгений Рубин после того, как ушел из «Нового американца». «Колонки редактора» в большой степени создавали атмосферу участия читателя в жизни газеты. Они получали большой отклик среди людей, вызывали реакцию, не всегда положительную, на то или иное высказывание писателя. Читатели активно реагировали на колонки Довлатова, они выражали свое мнение по телефону, писали письма, заходили в редакцию, никто не оставался равнодушным.

Однако Довлатов был не просто редактором газеты «Новый американец», он был ее незаменимым сотрудником. Из воспоминаний его друзей мы узнаем, что он владел любыми жанрами – от проблемного очерка до изящного анекдота. Поэтому не зря газету прозвали «довлатовской».

За время работы в «Новом американце» Довлатов, кроме чисто журналистских материалов, опубликовал множество своих рассказов, статей, докладов, прочитанных им на нескольких международных конференциях славистов. Большое количество рассказов, вошедших в книгу «Наши», было впервые опубликовано именно в газете.

Однако советские эмигранты столкнулись с неизбежными финансовыми трудностями. Никто из сотрудников газеты не умел вести

бизнес и экономические расчеты. К всему этому прибавляются разлад в отношениях редакции и действия конкурентов. Это привело к закрытию газеты «Новый американец».

ГЛАВА II. ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ И ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПУБЛИЦИСТИКИ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА В ГАЗЕТЕ «НОВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ»

2.1. Тематическая направленность публицистики Сергея Довлатова в газете «Новый американец»

Публицистическая деятельность Сергея Довлатова в газете «Новый американец» нашла отражение, как отмечалось ранее, в большей степени в его «Колонках редактора».

«Колонки редактора» появились в трудное для газеты время, когда нужно было удержать внимание аудитории «Необходимо было что-то доказывать уважаемой публике. О чем-то просить. Освещать какие-то подробности редакционного быта. Короче – быть посредником между читателями и газетой. Постепенно отношения с читателями наладились. А колонки, тем не менее, сохранились. Речь в них шла о чем угодно» [Довлатов 2006, С. 20].

В целом «Колонки редактора» можно разделить пять крупных тематических группы: о Советском Союзе, об Америке, о свободе, об эмигрантах, о работе в газете «Новый американец».

Рассмотрим подробнее первую группу тем. **О Советском Союзе** Довлатов пишет много, в основном с негативным оттенком.

Эмигрировав, у Довлатова появился шанс взглянуть на Советский Союз со стороны, увидеть все его недостатки в новом свете. В материале «Мы – советские люди» («Новый американец», № 35, 3–8 октября 1980 г.) автор замечает, что советский человек – это навсегда, что привычки остались те же, что со сменой страны, не изменился и не исчез советский характер: *«Мы – воспитанники тоталитарной системы, ее послушные ученики. И над каждым тяготеют десятилетия одуряющей выучки»* (Довлатов 2006, С.

80). Он предлагает окунуться третьей волне эмиграции в свое советской прошлое и убедиться в своей советской натуре.

Довлатов говорит о том, что Союз приучил своих граждан к безответственности: *«Восторжествовавший социализм приучает человека к абсолютной безответственности. Все кругом общественное, а значит, – ничье»* (Довлатов 2006, С. 81).

Сергей Довлатов отмечает бесхарактерность советского человека, его лицемерие, готовности поклоняться любому вождю, невзирая на его действия и заслуги перед страной: *«Мой обожаемый дядя Арон лет пятьдесят боготворил Сталина. Затем прозрел. Уединенно сжег небольшую фотографию вождя. И ринулся боготворить Хрущева»* (Довлатов 2006, С. 81).

У людей сформировалась психология служащих, и кому служить им безразлично. Автор приходит к выводу, что *«у советского человека ментальность раба. В лучшем случае – подчиненного. Без хозяина он не привык. Без хозяина – это значит – личная ответственность. Собственное решение. Выбор»* (Довлатов 2006, С. 82). А сделать этот выбор советский человек уже не в состоянии, он привык, что за него все решат, ему останется только бездумно выполнить постановление.

Довлатов пишет, что, эмигрировав, они только сменили хозяина, а убеждения остались прежними, советскими. По мнению автора, убеждения – это часть человека, которую нельзя приобрести и изменить: *«Подлинные убеждения – живая биологическая часть организма. И не меняются в зависимости от свежей газеты. Или даже – очередного номера журнала «Континент»* (Довлатов 2006, С. 82).

Оказавшись в стране с большей свободой действий, чем в Советском Союзе, люди растерялись, они не знают, что делать без распоряжений сверху: *«Я думаю, тоска по железному наркому – еще один рудимент советского воспитания. Тоска по «сильной власти»! Тоска по директивным указаниям! Тоска по нашей врожденной личной безответственности!»* (Довлатов 2006,

С. 83). Люди, мечтавшие годами о свободе, оказались в тупике. Это еще раз подчеркивает силу воздействия советской идеологии. Она выжигает в человеке его лучшие качества, оставляя лишь бесхарактерность, безответственность, само неорганизованность.

В открытом письме главному редактору «Нового русского слова» Андрею Седых («Новый американец», № 65, 10–16 мая 1981 г.) Довлатов заключает: *«Советская власть – не форма правления. Советская власть – есть образ жизни многомиллионного государства. А, следовательно, она живет в каждом из нас. В наших привычках и склонностях. В наших симпатиях и антипатиях. В нашем сознании и в нашей душе»* (Довлатов 2006, С. 114). Советскую власть автор рассматривает, как часть самого человека. Она проявляется во всех действиях, поступках и словах.

Автор обращает внимание на недостоверность информации, которой наполнен Советский Союз. Граждан специально вводят в заблуждение, врут и убеждают в вещах, совершенно противоположных реальной действительности. Но главное, что большинство людей верили и действовали согласно полученной информации. *«Мне вспоминаются советские газеты. Их бьющий через край оптимизм. Их утомительное бахвальство. Лживая статистика. Дутые цифры»*, – пишет Довлатов в «Новом американце», № 37, 22–28 октября 1980 г. (Довлатов 2006, С. 117). Газеты кричали, что Советский Союз самый лучший, самый богатый, что его идеи самые гуманные и передовые, что он самый-самый. Довлатов пишет о самовлюбленности советского народа в «КР» *«С детства нас убеждали...»* («Новый американец», № 49, 14–20 января 1981 г.). *«С самого детства убеждают, что мы – лучшие всех. Дети вырастают, становятся взрослыми людьми с ощущением полного и безграничного совершенства: «Советское – значит, отличное! Наше учение – самое верное! Наши луга – самые заливные! Наши морозы – самые трескучие! Наша колбаса – самая отдельная! И так далее...»* (Довлатов 2006, С. 149). Но прославить страну

могут только дела, а не слова. Слава народа, по мнению автора, в его деяниях, в его истории, религии и культуре.

Из проблемы самовлюбленности советского народа рождается новая проблема, которая заключается в следующем: *«Все мы очень любим давать советы. Такое уж государство нас воспитало – советское. Мы даем советы, потому что все знаем. Мы знаем, как управлять страной. Как бороться с преступностью. Как вести международную политику. В общем, знаем, как жить»* («Новый американец», № 55, 24 февраля – 2 марта 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 163). Этот очередной советский инстинкт эмигрировал вместе с людьми.

Темы ложной информации, подмены реальной действительности касается автор в выступлении на международной конференции «Литература в эмиграции: третья волна» 16 мая 1981 года опубликованном в «Новом американце», № 67, 24–30 мая под названием «Продолжение «Невидимой книги». Автор задается вопросом, почему его не публикуют? И осознает, что *«того, о чем я пишу, не существует. То есть в жизни оно, конечно, имеется. А в литературе не существует. Власти притворяются, что этой жизни нет»* (Довлатов 2006, С. 138).

Ничего советского не должно было подвергаться критики, ее не любили и не поощряли. Критичность в сознании советского человека отсутствовала еще и потому, что за это жестоко наказывали: *«В Союзе тех, кто был «неправ», – убивали. Ссылали в лагеря. Выгоняли с работы. Единственно верное учение не терпело критики»* (Довлатов 2006, С. 45).

Советский Союз, по мнению автора, может и не лучшее место на земле, однако, было там и много хорошего. В «КР» «Когда-то нам внушали...» («Новый американец», № 78, 9–15 августа 1981 г.) автор приводит в пример хорошие, качественные спички, которые производились дома. Но больше Довлатова волнует другая, нематериальная сторона. Она заключается в отличие советских людей от граждан Америки. Они не имеют коммерческой жилки, далеки от бизнеса и очень зависят от мнения

окружающих: *«Есть такое понятие – общественное мнение. В Москве оно было реальной силой. Человек стыдился лгать. Стыдился заискивать перед властями. Стыдился быть корыстным, хитрым, злым»* (Довлатов 2006, С. 198). Советский человек настолько зависим от общества и связан с ним, что для него стать одиночкой, изгоем, просто отделиться от коллектива хуже тюремного заключения.

В своей лекции «Блеск и нищета русской литературы», прочитанной 19 марта 1982 года в университете Северной Каролины, а позже опубликованной в «Новом американце», № 111,30 марта – 5 апреля 1982 года Довлатов писал о гениальности русских писателей. Литература в России всегда была очень популярна и пользовалась огромным уважением, а писателя воспринимали как пророка, который предрекает будущее. Но все беды писателей Довлатов видит в том, что они перестают писать истинно художественные произведения и тянутся к общественно-политической деятельности. Однако вывод автора оптимистичен: *«Пока живет и работает хотя бы один гениальный русский писатель – русская литература продолжает оставаться гениальной»* (Довлатов 2006, С. 134).

В Советском Союзе заниматься литературой было престижно, к писателям тянулись, хотели быть к ним ближе. *«Действительно, в Москве или Ленинграде писатель считается необычайно уважаемой фигурой. Удостоверение Союза писателей распахивает любые двери. Дружбой с писателями щеголяют маршалы и киноактеры, хоккеисты и звезды эстрады, работники ЦК и гении валютных операций»* (Довлатов 2006, С. 140).

Советские люди мало что знали о руководителях страны. Создавался культ личности, ореол святости правителя, его превозносили как какое-то божество. Советские лидеры представлялись инопланетянами, кем-то кто отличается от обычных людей, полумистическими существами. Все заблуждения развеивались со смертью руководителя, и строились новые мифы с новым лидером. *«У Ленина был незначительный дефект речи. У*

Сталина – рыночный акцент торговца гладиолусами. У Брежнева во рту происходит что-то загадочное. Советские лингвисты особый термин придумали для этого безобразия – «фрикативное Г». Все это не случайно: и «Г», и «Р», и цветочно-фруктовый акцент. Ведь у инопланетян должны быть какие-то этнические особенности. Иначе на людей будут похожи. А это – нельзя», – пишет Довлатов в «Новом американце», № 24, 25 июля – 1 августа 1980 год (Довлатов 2006, С. 94).

Также автор обращает внимание на закомплексованность советских людей, которых заботит мнение окружающих об их внешнем виде, которые постоянно рвутся за импортной одеждой, только чтобы произвести впечатление на окружающих. Они придают ей огромное значение, потому что одежда отражает социальный статус человека. Только импортные вещи или хороший пиджак могли сделать тебя социально полноценным в Советском Союзе. Об этом пишет Довлатов в материале «Надену я черную шляпу» («Новый американец», № 29, 27 августа – 2 сентября 1980г.): *«Нечто подобное было в старину. Коллежскому регистратору полагалась, допустим, шинель из военного сукна. Выдвинулся чином повыше – заказывай шинель из драпа. Статскому советнику полагался бобровый воротник. Тайному – из нервы. И так далее...Сейчас – такая же история. Удостоился кандидатской степени – покупай дубленку. Или, на худой конец, – тулуп. Ведь кандидат – не дворник. Кандидату без тулука – нельзя...»* (Довлатов 2006, С. 164). Это объяснялось еще и тем, что достать хорошие, импортные вещи, было сложно.

Ностальгия также присутствует в публицистике Довлатова. Он с теплотой вспоминает отдельные события, детали не связанные с общей картиной Советского Союза. В «КР» «Однажды мы ехали в сабвее...» («Новый американец», № 39, 5–11 ноября 1980 г.) не без иронии автор противопоставляет неизвестного и далекого ему американского хулигана и советского. Второй кажется ему родным и знакомым, с ним не страшно вступить в диалог, потому что его действия заранее известны. Автор создает

типичный образ хулигана, который действует, как и все, по общей схеме: *«Советский хулиган – он родной и понятный. Он если бьет, то монтировкой. Или трубой. Или доской от забора. Или пивной кружкой. Или вилкой, на худой конец. То есть – знакомыми, полезными вещами»* (Довлатов 2006, С. 119).

«Колонки редактора» позволяют увидеть Советский Союз 1980-х годов глазами автора. При использовании минимального количества слов, Довлатову удастся показать картину страны, в которой жил: *«Из России долетают тревожные, мрачные вести. Одному кандидатскую не утвердили. Другого с работы уволили. Третий отказ получил... Очереди за колбасой... Зимней обуви не купить... И так далее»*, – пишет автор в «КР» *«Из России долетают...»* («Новый американец», № 41, 19–25 ноября 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 126). Но при всей горечи, сложившегося положения, русский человек не теряет надежды, позитива и чувства юмора. Надежда на возрождение Родины теплится и у Сергея Довлатова, он пишет: *«Юмор – украшение нации. В самые дикие, самые беспросветные годы не умирала язвительная и горькая, простодушная и затейливая российская шутка. И хочется думать – пока мы способны шутить, мы остаемся великим народом!»* (Довлатов 2006, С. 126).

Теперь обратимся ко второй группе тем – **об Америке**. До эмиграции Довлатов собирал информацию об этой стране, достать ее было непросто. Информация была недоступна, но из писем от уже эмигрировавших писатель узнавал общие сведения о культуре, экономике, политике и в целом об обстановке в стране. *«В Америке – свобода печати. В Америке – демократия и плюрализм. А главное, много джинсов, колбасы и шоколада. Мы знали, что в Америке хорошо. И этого было достаточно»*, – пишет Довлатов в материале «Американская мечта» («Новый американец» № 43, 3 – 9 декабря 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 64).

Америка стала открытием для многих эмигрантов. Из-за неполной информации складывалось неправильное впечатление, поэтому не все

надежды оправдались. *«Вот она, долгожданная свобода! Свобода печати! Свобода воли! Свобода духа! Выбрали! Дорвались! Обрели! Лично я был уверен – вот обрету свободу, первым делом напишу что-то вроде «Гамлета»... Есть свобода печати. Есть газеты, журналы, издательства. Есть бумага. А шедевров что-то не видно»,* – Довлатов считал, что американская свобода поможет раскрыть таланты, она подарит новое вдохновение, однако он разочаровался в демократии и свободе (Довлатов 2006, С. 68).

Создавая газету, Довлатов повторял, что она для читателей и во имя читателей, но и здесь его ждало огорчение. Он ждал читателей советских, тех, которые готовы отказаться от всего ради, например, номера «Континента», чтобы полистать его час. Но здесь читатель другой, он обрел свободу и у него множество путей ее применения. *«Читатели, прямо скажем, тоже хороши. Зайдите в «Красное яблоко» на 108 улице. Присмотритесь к окружающим. Рыбы купили. Сосисок купили. Польские шоколадно-вафельные торты не оставили без внимания. Рядом пылится забавная книжка Александра Баскова. И стоит-то несчастных четыре доллара. Не покупают! Журнал «Искусство кино» не покупают! Даже про шпионов читать не хотят... Советский читатель – вот о ком я по-настоящему тоскую»* (Довлатов 2006, С. 68).

В Америке другое отношение к литературе и писателям. Здесь они не пользуются тем уважением и почетом, как в Советском Союзе. И их литературная деятельность превращается в хобби. Писатели вынуждены работать не по профессии, без удовольствия. Сергей Довлатов поступил на курсы ювелиров, Борис Метгер был лифтером, Алексей Орлов работал с подопытными кроликами. Но у всех была работа. *«Вот что такое Америка! Действительно, возможностей хватает. Можно все! Хочешь – пой! Прямо на Бродвее. Хочешь – селедкой торгуй. Хочешь – будь паразитом... Хочешь – открывай еженедельник. Раздобудь долгосрочную ссуду. Договорись с типографией. И действуй!»,* – рассуждает Довлатов в

«Новом американце» № 53. Свободы в Америке много, как и возможностей, но автор уточняет, что *«Америка – страна неограниченных возможностей. Одна из них – возможность погибнуть»*, прогореть, разориться (Довлатов 2006, С. 74). Кроме этого, русских авторов переводят мало, и американцы предпочитают собственную литературу – европейской.

Америка ценит предприимчивых людей. Здесь каждый должен быть дельцом, иначе окажешься «на обочине жизни», и никто тебе уже не поможет. *«Действительно, Америка многое заставила пересмотреть в себе и в жизни. Здесь все по-другому. Здесь понятия «бизнесмен» и «мошенник» не совпадают. Говоря проще, здесь надо работать»* (Довлатов 2006, С. 95). Отсутствие деловитости, американского опыта, первичных экономических знаний стали главными причинами крушения «Нового американца».

Америка подарила эмигрантам право на свободное самовыражение своих мнений, интересов. Это казалось новым и непривычным для русских американцев. Ведь в Советском Союзе у них было единственно правильное учение, обком, который все знал. На Родине не было критики, не было разных точек зрения, поэтому эмигрантам пришлось учиться свободе и демократии. *«Мы уехали, чтобы реализовать свои человеческие права. Право на творчество. Право на собственное мнение. Право на материальный достаток. И в том числе – священное право быть неправым. Право на ошибку. Право на идейное заблуждение»* (Довлатов 2006, С. 108).

В своих «КР» Довлатов касается и американской политики. В 1980 году в США проходили выборы 40-го президента. Кандидатами были: демократ Джимми Картер и республиканец Рональд Рейган. Довлатов рассматривает обоих в своей колонке «Завершается предвыборная кампания» («Новый американец», № 38, 29 октября – 4 ноября 1980 г.) *«Шансы у обоих равные. И достоинства у каждого – внушительные. Картер – набожен, честен, сострадателен. Рейган – тверд, принципиален, бережлив. При этом Картер – сентиментален и робок. А Рейган – безрассуден и грубоват»*, – такую характеристику дает автор кандидатам (Довлатов 2006, С. 118).

Эмигранты не могут участвовать в выборах и повлиять на их исход, но результаты касаются и их, за итогами последует новый жизненный и государственный курс, который отразится на их жизни, поэтому Довлатова не может не волновать данная тема. *«Кого же предпочтут новые американцы? Я думаю – Рейгана. Позиция силы импонирует бывшим узникам тоталитаризма»* (Довлатов 2006, С. 119). И автор оказался прав, в итоге Рейган одержал убедительную победу над Картером и стал 40-м президентом США.

В отличие от Советского Союза, в Америке нет ограничений и правил, касающихся одежды. В этом эмигранты также обрели свободу от советских догм и предрассудков, от чужого мнения, от трафаретов, навязанных большинством. *«В Америке человек одевается так, как ему хочется. Так, чтобы это соответствовало его натуре. Чтобы ему было легко, свободно и естественно»* (Довлатов 2006, С. 165).

Америка – страна изобилия, здесь всего много, и западный человек множественен, т.е. плюралистичен. Его плюрализм, по мнению Довлатова, заключается в многообразии интересов, проблем, которые его волнуют: *«Американцев волнует самый широкий круг проблем. От Польши до Сальвадора. От бездомных собак на Аляске до эпидемии гриппа в Зимбабве»*, – пишет автор в материале «Гражданской войны не будет» («Новый американец», № 102, 26 января – 1 февраля 1982 г.) (Довлатов 2006, С. 190). Все проблемы, волнующие американцев носят глобальный характер, их скорее заинтересуют проблемы в мире, чем проблемы друзей. В отличие от американцев, советские люди сосредотачиваются на одной главной для них проблеме, а остальные считают малосущественными.

Довлатов отмечает то, с какой любовью и бережностью относятся американцы к своей истории: *«Видимо, это происходит оттого, что история у них – короткая. Бурная, но короткая – всего двести лет»* (Довлатов 2006, С. 196). Кроме этого, автор замечает, что так они относятся не только к своей, но и в целом к истории: *«Издавна местные богачи*

вывозили ценнейшие редкости с отдаленных концов земного шара. Есть в Америке импортные готические храмы. Попадаются египетские мумии. Деревянные тибетские идолы. Российские курные избы» (Довлатов 2006, С. 196).

К главному выводу приходит Довлатов в «КР» «Это письмо я отправляю в Ленинград...». Прожив в Америке три года, не перестаешь удивляться ее контрастам. Америка обладает как положительными, так и отрицательными чертами в равной степени. Поэтому ее невозможно описать, «перечислить». *«Я знаю, кто мы и откуда. Я знаю – откуда, но туманно представляю себе – куда. И вы, я думаю, не представляете. А может быть, представить себе этого и не дано... И слава Богу! Мы живы, и одно это уже – показатель качественный» (Довлатов 2006, С. 214).*

Довлатов подмечает отдельные американские черты. Им свойственна вежливость, дружелюбность и благородство. Но на самом деле все эти качества являются стандартными для них, общепринятыми. Их проявление носит автоматический характер. Автор подкрепляет свои суждения примером: *«Вы покупаете этот мешок. Платите десять центов. Однако в целлофановый мешок девица содержимое тележки не укладывает. Протягивает этот самый мешок, и все. А положить в мешок товар не удосуживается. И уже не говорит вам приятных слов. Потому что это – лишняя работа. Лишнее движение. Не предусмотренное стандартами здешнего обслуживания» (Довлатов 2006, С. 231).*

Равнодушие – еще одна негативная американская черта, которую описывает автор. Американцы равнодушны к проблемам чужой жизни. Поэтому спасение человека, т.е. вмешательство в его жизнь, вызывает в Америке столько внимания. *«Женщина тонет в реке Потомак. Некий отважный господин бросается с моста и вытаскивает утопающую. Герой, молодец, честь ему и хвала! Дальше начинается безудержное чествование героя. Газеты, телевидение поют ему дифирамбы. Миссис Буш уступает*

ему свое кресло возле Первой леди. Говорят, скоро будет фильм и мюзикл на эту тему» (Довлатов 2006, С. 249).

Америка заменила многим Родину, некоторые выжили только благодаря ей. Постепенно любовь эмигрантов к ней крепнет, и они уже не замечают ее недостатков: *«Как быстро мы привыкли считать фантастическую Америку – домом. Я давно уже замечаю в себе крикливые черты патриотизма. Злюсь, когда ругают Нью-Йорк. Начинаю спорить. Я говорю, что преступность здесь не так уж велика. Что газеты умышленно раздувают эту тему. Что шанс быть ограбленным – ничтожен»,* – рассуждает Довлатов в «КР» «Недавно мой друг...» («Новый американец», № 86, 3–9 октября 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 203). Однако мысли автора постоянно возвращаются к вещам связанным с родиной, с Советским Союзом. Довлатов не говорит, что он американец, но и советским человеком не называет: *«Зовут меня все так же. Национальность – ленинградец. По отчеству – с Невы»* (Довлатов 2006, С. 215).

Тема свободы неоднократно появляется в произведениях Сергея Довлатова. Именно ради свободы писатель эмигрировал, к ней он стремился. Но в его сознании она была идеализирована, поэтому американская свобода во многом разочаровала Довлатова. *«Перед отъездом все мои друзья твердили: – Главное, вырваться на свободу. Бежать из коммунистического ада. Остальное не имеет значения»* (Довлатов 2006, С. 26).

Американская свобода заключалась для эмигрантов в многообразии выбора. Здесь есть все необходимое от одежды до книг, которые запрещены на родине. *«Все есть. Есть, разумеется, и свобода. Желанная, полная и безграничная. Та, которую мы выбирали. Ради которой покидали нажитое добро. Разрывали семейные узы. Оставляли пожилых, консервативных родителей. А случилось, что и маленьких детей...Вот она, долгожданная свобода! Свобода печати! Свобода воли! Свобода духа!»* («Новый американец» № 43, 3 – 9 декабря 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 68). Из последних слов видно, что свобода тоже разнообразна, многогранна.

«Выбрали! Дорвались! Обрели! Лично я был уверен – вот обрету свободу, первым делом напишу что-то вроде «Гамлета», – пишет Довлатов в номере 43 «Нового американца» (Довлатов 2006, С. 68). Он считал, что американская свобода поможет раскрыть таланты, она подарит новое вдохновение, однако ничего подобного не произошло, он разочаровался в этой «хваленной» демократии и свободе. «Есть свобода печати. Есть газеты, журналы, издательства. Есть бумага. А шедевров что-то не видно» (Довлатов 2006, С. 68).

«Казалось бы, да здравствует свобода печати! Да здравствует свобода мнений! С одной небольшой поправкой – для тех, чье мнение я разделяю!», – эти слова часто повторял Довлатов в своих «Колонках редактора». Так, он утверждает, что нет свободы абсолютной (Довлатов 2006, С. 77). Газета «Новый американец» всегда была открыта для дискуссий, и Довлатов верил, что только в свободном обсуждении может родиться истина. «На то и свобода печати. Выражай свое мнение. Доказывай. Спорь» («Новый американец», № 53, 10–16 февраля 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 77). При этом автор не забывает уточнить, что свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого.

Эмигранты, попавшие на свободу, теряются, не знают, что им делать. Проведя столько лет в неволе, они разучились свободно жить. *«Рыбы не рыбы – а дыхание захватывает», – пишет Довлатов в колонке под названием «Это произошло в лагере...» («Новый американец», № 20, 23–28 июня 1980 г.). Эмигрантам трудно привыкнуть к свободе, ведь она не только открывает новые пути, но и обязывает тебя сделать выбор. «Мы выбрали – свободу. А получили – свободу выбора. [...] Нелегкое это благо – свобода выбора» (Довлатов 2006, С. 80). Трудности выбора возникают потому, что за долгие годы жизни в Советском Союзе люди привыкли к партийным указаниям, методическим разработкам и обкомовским директивам. Они привыкли, что за них всегда выбирали, а здесь это ложится на них самих. «И вот мы на Западе. Проблем не существует. Магазины ломаются от*

всевозможного тряпья. И цены доступные. Выбирай! Опять – злополучная свобода выбора» («Новый американец», № 29, 27 августа – 2 сентября 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 165).

В это же колонке автор затрагивает и отношение газеты «Новый американец» к свободе. Довлатов описывает концепцию газеты в следующих словах: *«Газета является независимой и свободной трибуной. Эта трибуна предоставляется носителям разных, а зачастую и диаметральных мнений. Редакция не всегда разделяет мнения авторов и несет ответственность лишь за уровень дискуссии» (Довлатов 2006, С. 80).* Эти слова стали принципами работы нового эмигрантского издания. *«МЫ – НЕ ПРОТИВ! МЫ – ЗА! ЗА ПРАВДУ! ЗА СВОБОДУ! ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО! ЗА МИР И КУЛЬТУРУ! ЗА УЛЫБКУ И ЮМОР! ЗА МАТЕРИАЛЬНЫЙ ДОСТАТОК! ЗА ДРУЖЕЛЮБИЕ И КОРРЕКТНОСТЬ! ЗА СВОБОДУ ДУХОВНЫХ И НРАВСТВЕННЫХ ПОИСКОВ! ...» («Новый американец», № 59, 24–31 марта 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 169).* Свобода «Нового американца» заключается в том, что его сотрудники предоставляют лишь материалы, факты и сведения, а выводы читатель делает сам. Он самостоятельно должен выбрать, на чьей он стороне, чью точку зрения принимает.

По мнению Сергея Довлатова, человеку в первую очередь следует обрести *«элементарную житейскую свободу и раскованность. Свободу от догм и предрассудков. Свободу от чужого мнения. Свободу от трафаретов, навязанных большинством»*, только тогда он может стать по-настоящему свободным (Довлатов 2006, С. 165). Человек должен быть естественным в своей свободе: поступать, одеваться не так, как требует общественность, а как хочется. *«К чему призываю? К свободе и естественности. Как в большом, так и в малом. Как в области идей, так и в области носков» («Новый американец», № 29, 27 августа – 2 сентября 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 166).*

Единственное, ради чего можно лишиться свободы – любовь. В материале «Развод по-эмигрантски» автор пишет, что *«любовь – это рабство, которое выше свободы. Единственное, ради чего можно этой свободой пожертвовать. Единственное, во имя чего можно лишиться свободы, – без колебаний»* (Довлатов 2006, С. 180).

Чем больше Довлатов в эмиграции, тем яснее он видит издержки свободы. *«На свободе жить очень трудно. Потому что свобода одинаково благосклонна и к дурному, и к хорошему. К щедрому небу демократии энергично тянутся самые разнообразные цветы»,* – пишет автор в «Колонке редактора». Разделить же дурное и хорошее необходимо самому. *«В каждом из нас хватает того и другого. И все перемешано»* (Довлатов 2006, С. 215). Сергей Довлатов утверждает, что нельзя предоставить свободу только «хорошим», героям. *«Свобода, как известно, неделима. Она нужна хорошим и плохим. И уж тем более – нормальным людям. Вроде нас...»* («Новый американец», № 84, 20 – 26 сентября 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 245).

Рассмотрим тематическую группу **об эмигрантах**. С третьей волной эмиграции из СССР преимущественно выехали деятели искусства, творческая интеллигенция. В число которых попала семья Довлатова. *«Восемь эмигрантов из десяти мотивируют свой отъезд нравственными причинами. Мы выбрали – свободу»* («Новый американец», № 20, 23 – 28 июня 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 79).

Довлатов сравнивает эмигрантов с заключенными, которые после долгого заключения, привыкли к неволе и, вырвавшись на свободу, не знают, что делать. *«Чичеванов отсидел двадцать лет. Он привык. На воле он задохнется, как рыба. Вот и рванул, чтобы срок намотали...Нечто подобное испытываем мы, эмигранты»* (Довлатов 2006, С. 79).

В материале «Nobody is perfect (Все мы не красавцы)» автор рассматривает три волны эмиграции. Несмотря на то, что переехали все в разное время, у эмигрантов есть много одинаковых черт, а главное то, что им нечего делить. *«Все мы – беженцы. Все погорельцы. Все не устроены. И*

вряд ли когда-нибудь будем устроены...» (Довлатов 2006, С. 92). Писатель считает, что при всех различиях, интересы трех эмигрантских волн – едины. *«Корни – едины. Цели – едины. Проблемы – едины»* (Довлатов 2006, С. 186).

Третья волна разделилась на два лагеря: тех, кто против американцев, считая их глупыми, скучными и бездуховными и тех, кто против русских, которые, по их мнению, не образованные, газет не читают, фильмы не смотрят. Однако писатель утверждает, что *«и те, и другие невероятно похожи. И тех, и других угнетает комплекс неполноценности»* (Довлатов 2006, С. 92). Из-за этого они становятся разобщенными, подозрительными, злобными.

Советские люди не переставали эмигрировать и в 1980-м году. Такой вывод делает Довлатов в газете «Новый американец» в № 36. *«Эмиграция из Союза продолжается. Хоть и в замедленном темпе. Приезжают друзья и знакомые»* (Довлатов 2006, С. 112).

По мнению Довлатова, третья волна эмигрантов не хуже и не лучше остальных. *«Как и всякая человеческая общность, мы – разнородны. Среди нас есть грешники и праведники. Светила математики и герои черного рынка. Скрипачи и наркоманы. Диссиденты и работники партаппарата. Бывшие заключенные и бывшие прокуроры. Евреи, православные, мусульмане и дзэн-буддисты»* (Довлатов 2006, С. 113). При этом у них общее прошлое, родина, тоталитарный опыт. Автор отмечает, что третья волна нравственно и политически дезориентирована, обладает жизнестойкостью, переходящей в агрессию, проявляет неразборчивость в средствах. *«В нас густо замешано хорошее и плохое. Как и в любой человеческой общности»* (Довлатов 2006, С. 113). *«Просто мы – другие»*, – приходит к выводу Сергей Довлатов.

Автор с благодарностью пишет о прошлых эмигрантах, ведь они помогли новым американцам устроиться. *«Помогли нам адаптироваться и выстоять. Приобщиться к ценностям замечательной страны. Нам удалось избежать многого, что пережили старые эмигранты»* («Новый американец», № 65, 10–16 мая 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 113).

Литература в эмиграции изменилась. *«Здесь рядовой писатель совершенно не выделяется. Сферы бизнеса, медицины, инженерии, юриспруденции – куда престижнее. Литератора здесь ценит довольно узкий круг читателей»* (Довлатов 2006, С. 140). Здесь читатель не любит, чтобы его учили, воспитывали. Тексты Довлатова отличаются тем, что он не стремится морализировать, поэтому получил признание. *«Видно, мне повезло. Воспитывать людей я не осмеливаюсь. Меня и четырнадцатилетняя дочка-то не слушается»*, – признается писатель в № 67 «Нового американца» (Довлатов 2006, С. 141). Сергей Довлатов убежден, что «у литераторов третьей волны хорошие перспективы на Западе». Он приводит в пример успех Аксенова, Максимова, Синявского, Войновича, Лимонова и других. Главное, по мнению автора, *«мы избавились от кровожадной внешней цензуры. [...] Банально выражаясь, мы обрели творческую свободу»*. И теперь настало время преодолеть себя, свою зажатость и самоцензуру. *«Как говорил Зоценко – литература продолжается»*, – заключает Сергей Довлатов (Довлатов 2006, С. 143).

При этом Довлатов не разделяет утверждение, что талант в эмиграции не может появиться, но может развиваться. Автор утверждает, что рождение таланта абсолютно непредсказуемо, оно может произойти когда и где угодно. *«В эмиграции может родиться гениальный писатель. А может и не родиться. Это логически непредсказуемо, как и многое другое в жизни и творчестве»* (Довлатов 2006, С. 147).

Автор задается вопросом: «Две литературы или одна?», то есть, разделять ли литературу на период эмиграции и советский период. Довлатов находит ответ: *«Литература едина. В ней есть элементы, присущие любой здоровой культуре. Имеется – авангард, реалисты, эксцентрики. Наличествует – сатира. Присутствует – нигилизм»* («Новый американец», № 69, 7 – 13 июня 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 148).

Довлатов, прожив в эмиграции три года, не переставал удивляться местной жизни. *«Чудеса здесь происходят на каждом шагу. Мы говорим и*

пишем то, что думаем. Читаем любые книги. Смотрим любые фильмы. Выбираем себе религию и местожительства». Эмигранты попали в условия абсолютно противоположные советским. Жестокость режима заставила их переехать на другой конец света. Они с ужасом вспоминают прошлую жизнь и думают об оставшихся там родных и друзьях. *«Накануне праздника я вспоминаю моих друзей, которые остались там. Мне известно, с каким трудом они раздобывают продукты для новогоднего застолья. Как мобилизуют связи и знакомства, как стоят в очередях»* («Новый американец», № 99, 1 – 7 января 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 201).

«Национальную гордость пробудила во мне эмиграция. Раньше я этого чувства не испытывал», – признается Сергей Довлатов (Довлатов 2006, С. 225). Его не интересует, какой человек, главное, что он советский. *«Потому что это – наши. Хорошие или плохие – разберемся. А пока – удачи вам, родные, любимые, ненавистные, замечательные соотечественники. Вы – моя национальная гордость!»* (Довлатов 2006, С. 201). Несмотря на все тяготы и испытания, которые уготовила эмиграция, советские люди смогли найти применение своему таланту. *«Лимонова проклинаяем с утра до ночи. А между тем в ФРГ по Лимонову кино снимают. И заработает ужасный Лимонов большие деньги. Чему я буду искренне рад»* (Довлатов 2006, С. 226).

Эмигранты третьей волны сильные люди. Сила их заключается в опыте, который они приобрели на родине. *«Мы приобрели драматический и неповторимый опыт тоталитаризма. Изучили его хищные повадки. Знаем его уязвимые места»* (Довлатов 2006, С. 237).

Многие проблемы эмигрантов волнуют Довлатова, и они находят отражение в его колонках. Больше того, создавая газету, Довлатов говорил: *«Мы – третья эмиграция. И читает нас третья эмиграция. Нам близки ее проблемы. Понятны ее настроения. Доступны ее интересы»* («Новый американец», № 16, 30 мая – 4 июня 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 70).

Работа в газете «Новый американец» стала для Сергея Довлатова отдушиной в чужой стране. Не смотря на то, что он никогда не хотел быть

журналистом, Довлатов полностью погрузился в газетную жизнь. В колонках редактора он описывал события через призму собственной жизни, поэтому тема газеты носит оттенок личности автора.

Автор с трепетом относится к газете: *«8 февраля вышел первый номер газеты. Куцый, наивный, трогательный. Сейчас его в руки берешь, как довоенную фотографию»* (Довлатов 2006, С. 74). Поэтому Довлатову было неприятно осознавать, что газета – это товар. *«Примириться с этой мыслью было трудно. В ней ощущалось что-то мерзкое и унижительное»* (Довлатов 2006, С. 75). Он относился к газете, как своему детищу, чему-то родному: *«Наше обожаемое чадо! Боготворимое дитя! Нетленный крик души!.. И вдруг – товар. Наподобие полтавской колбасы или селедки»* (Довлатов 2006, С. 75). Довлатов осознает, что, какой бы шедевр, гениальное произведение или изобретение в любой сфере вы не создали, *«это не имеет значения. Материальные плоды человеческих усилий становятся объектом рыночной торговли»* (Довлатов 2006, С. 75). Законы здесь общие для колбасы и газеты «Новый американец».

Газете пророчили короткую жизнь, но Довлатов всегда верил в успех своего дела. «Новый американец», как молодое издание, имело много проблем: финансовых, творческих, организационных. Но его поддерживали *«уверенность в правоте начатого дела. Любовь к газетной работе. Доверие и энтузиазм читателей. И разумеется – благородная помощь коллег-журналистов»* (Довлатов 2006, С. 86). Писатель считает, что небольшие трудности полезны для газеты: *«Редактируемый мною еженедельник – не хризантема. Его можно изредка вытаскивать с корнем, чтобы убедиться, правильно ли он растет. Мне кажется, ему это даже полезно»* («Новый американец», № 65, 10 – 16 мая 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 115). Постепенно положение газеты стабилизировалось: *«Газета продается в четырнадцати странах. Качество ее, по словам читателей, улучшается»* (Довлатов 2006, С. 118). При этом газета почти не зарабатывает, а журналисты выполняют несколько обязанностей сразу. *«В редакции нет чинов и званий. Журналисты*

Меттер и Орлов развозят газеты по киоскам. Политический обозреватель Гальперин составляет телепрограммы. Литературные критики Вайль и Генис заняты техническим оформлением. Главный редактор читает корректуру» («Новый американец», № 37, 22 – 28 октября 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 118).

Довлатов постоянно отмечает, что главные в газете ее читатели. Именно они могут повлиять на ее формат, содержание. *«А ведь это ваша газета, она делается вами и для вас»,* – отмечает Довлатов большую роль читателей («Новый американец», № 14, 16 – 22 мая 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 69). Аудитория газеты небольшая, и круг читателей довольно узок. Но «Новый американец» должен удовлетворять многие их потребности и запросы, быть универсальной газетой, которая поднимает разнообразные темы и проблемы. Таким же, по мнению Довлатова, должен быть и идеальный читатель газеты: *«Это человек любого вероисповедания, ненавидящий тиранию, демагогию и глупость. Обладающий широким кругозором в сфере политики, науки, искусства. Отдающий должное как высокой литературе, так и развлекательному чтению...»* («Новый американец», № 17, 5 – 10 июня 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 71). Довлатов даже называет аудиторию не подписчиками газеты, а её друзьями. Также, по его мнению, читатели могут повлиять на периодичность «Нового американца». Он уверен, что газета *«дальше будет расти. Рано или поздно станет выходить каждый день. Все зависит от читателей, от их активности, от их приверженности к газете»* (Довлатов 2006, С. 136).

Вопрос принадлежности газеты к определенной национальности волновал читателей и Довлатова. На этот счет автор всегда имел четкое мнение: *«Мы говорим и пишем на русском языке. Наше духовное отечество – многострадальная русская культура. И потому мы – РУССКАЯ ГАЗЕТА. Мы живем в Америке. Благодарны этой стране. Чтим ее законы. И если понадобится, будем воевать за американскую демократию. И потому мы – АМЕРИКАНСКАЯ ГАЗЕТА. Мы – третья*

эмиграция. И читает нас третья эмиграция. Нам близки ее проблемы. Понятны ее настроения. Доступны ее интересы. И потому мы – ЕВРЕЙСКАЯ ГАЗЕТА» («Новый американец», № 16, 30 мая – 4 июня 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 70). Газета не относится к определенной национальности, потому что она многонациональна.

В своих колонках Довлатов описывает принципы газеты. Один из них – служить открытой трибуной и предоставлять слово всем желающим. *«Голос Солженицына звучит на весь мир. А значит, голоса его критиков и оппонентов тоже должны быть услышаны. Этому принципу следует наша газета» («Новый американец», № 32, 15 – 20 сентября 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 106). В газете были установлены либеральные отношения. Приветствовалась критика, поддерживались открытые дискуссии.*

Однако редакция газеты все-таки развалилась. *«Одни проблемы сменились другими. Чистого энтузиазма оказалось мало. И профессионального опыта – мало. И собранных денег было – мало, мало, мало» (Довлатов 2006, С. 106). Эмигранты оказались не подготовленными к такому, они не умели вести бизнес и зарабатывать на газете, увлеклись творчеством и забыли о доходе: «Цифры упорно не желали сходиться. Каждый номер газеты обходился в четыре тысячи. А выручали мы за него – три с половиной. Орлов засыпал и просыпался с калькулятором в руке» (Довлатов 2006, С. 158). Газета переживала постоянные финансовые кризисы и в конце концов перестала выходить, в марте 1982 года вышел последний, 111-й номер газеты.*

2.2. Художественные приемы в публицистике Сергея Довлатова

Тексты Довлатова представляют собой переплетение художественного и публицистического начал. В своем творчестве автор органично совмещает изящную художественность и конкретность, коммуникативную жесткость, вызванную реальной жизнью.

В этой главе мы рассмотрим тексты Сергея Довлатова в газете «Новый американец» с точки зрения специфики юмора писателя, стилистических особенностей повествования, художественных и публицистических приемов.

Многие исследователи (А. Генис, Н. Выгон, Л. Сальюн, Н. Орлова и другие) отмечают индивидуальность стиля Довлатова, его эссеистичную и исключительную творческую манеру письма. Также ученые подчеркивают неангажированность письма Довлатова и отсутствие в его материалах морали, он сознательно уходит от поучения своих читателей.

Текстам Сергея Довлатова свойственна глубокая **ироничность**. Автор, не боясь, смеется над многим, что осталось в Советском Союзе.

1) над руководящим органом: *«Убежден был, что политбюро состоит из трех человек. (Как в сказке.)»* (Довлатов 2006, С. 81);

2) над неполноценностью и зажатостью в советские рамки журналиста: *«Какая это мука для советского журналиста – писать, что хочешь. Без указаний! Без разъяснений! Без директив!..»* (Довлатов 2006, С. 84). *«Ведь грамотные были люди. В очках»* (Довлатов 2006, С. 81);

3) над жизнью советских граждан: *«Общительный, способный, добродушный человек. Как выяснилось – давний осведомитель ГБ»* (Довлатов 2006, С. 104). *«В стране тотального дефицита быть книголюбом – затруднительно. Читать запрещено. Писать запрещено. И думать – не рекомендуется...»* (Довлатов 2006, С. 226).

4) над идеологией: *«Более того, я пел в университетском хоре. Пока меня не выгнали с третьего курса. Выгнали, как я догадываюсь, не за хоровое пение, а за сольное. Говорят, я пел идейно чуждым баритоном...»* (Довлатов 2006, С. 120);

5) над режимом в стране: *«Улыбающийся человек не угоден тоталитаризму. Смеющийся – опасен. Хохочущий – опасен втройне»* (Довлатов 2006, С. 96). *«Днем ей [о своей собаке Глаше] принесли из буфета ЦК четыреста граммов шейной вырезки. Случай уникальный. Может быть,*

впервые партийные льготы коснулись достойного объекта» (Довлатов 2006, С. 196].

Сергей Довлатов умел подмечать ошибки людей, и неизменно облакал их в ироничную форму: *«Я только наполовину – еврей. А наполовину – грузин. И еще наполовину – литовец. Вот какой сложный был человек. Из трех половин состоял...» (Довлатов 2006, С. 83).*

Кроме этого, его тексты не лишены **самоиронии**. Довлатов не боится критики, и сам не прочь посмотреть на себя критично: *«И я даже не того стыжусь, что занимался вредной халтурой. Мне стыдно, что эти речи нравились парткому. (До поры, до времени.) Что я был не просто холуем, а холуем-энтузиастом».* Довлатов вспоминает свое прошлое с юмором, но здесь же скрывается трагизм его положения. Он неодобрительно отзывается о своем статусе, как о прислужнике, лакее, об унизительности своей работы писателя в Советском Союзе (*«Новый американец», № 35, 3 – 8 октября 1980 г.*) (Довлатов 2006, С. 84). Он объективно смотрел на развитие своего литературного творчества в Советском союзе, и четко понимал, что оно рано или поздно зайдет в тупик: *«Это и есть самиздат в наиболее точном значении. Сам пишешь. Сам даешь знакомым. А порой – и сам читаешь в гордом одиночестве» (Довлатов 2006, С. 138).* В своих «Колонках редактора» Довлатов предстает перед нами как простой человек, который познает новую страну, ее культуру и обычаи: *«Довелось мне однажды посетить изысканный светский раут. Вырядился я, как мог. Галстук затянул так, что башка не проворачивается. Сесть не решаюсь, боюсь – штаны лопнут... Ботинки жмут. Брожу с коктейлем в руке. Ем черешни. Косточки храню за щекой. Выплюнуть неловко...» (Довлатов 2006, С. 165).*

Не лишены тексты Довлатова и **сарказма**: *«Вспомните, например, лицо Косыгина. Беременным женщинам нельзя показывать такие вещи...» (Довлатов 2006, С. 96]. Порой он резок в своих оценках: «У Меттера появились единомышленники. Такие же беспросветные неудачники, как и он»*

(Довлатов 2006, С. 107). *«А наш товарищ Молотов, выродок и убийца, разгуливает по Садовому кольцу...»* (Довлатов 2006, С. 163).

Довлатова следует читать «между строк». В его текстах скрыт важный посыл, второй смысл. Например, в «Новом американце», № 20, 23 – 28 июня 1980 г. автор пишет: *«Помню, зашел я с матерью в кондитерскую лавку на Бродвее. Что-то ей не понравилось. Она и говорит – Хорошо бы в жалобную книгу написать. Или позвонить куда-нибудь... – А может, – говорю, – просто зайти в другую лавку?..»* (Довлатов 2006, С. 80). Этот диалог иллюстрирует отношение автора к людям, которые жалуются на его газету и на него, как редактора. Он советует им просто обратиться в другую газету, потому что свои принципы руководства газетой он не изменит.

Больше того, Довлатов дает **речевую характеристику** героям своих колонок, он подмечает важные особенности в их разговоре, которые отличают, выделяют их, и благодаря которым каждый читатель сможет узнать этого персонажа. *«Первый эмигрант: – Мы бежали от кгасноготеггога. Остались вегны своему госудагю. Долгие годы вынашивали планы интегвенции... А сейчас едут потомки комиссагов... Советские агенты... Хамье... Да, уходит наше поколение. И вместе с нами уходит Госсия...»* (Довлатов 2006, С. 92). Здесь видно, как автор передает дефект речи, который, по его мнению, был свойственен эмигрантам первой волны.

Кроме этого, прямая речь ярче показывает ситуацию, эмоции, состояние человека в момент речи: *«И наконец – телефонный звонок. Безумный крик Леши Орлова: – Меттер (непечатное) раздобыл (непечатное) двенадцать тысяч (непечатное, непечатное, непечатное)!!!»* (Довлатов 2006, С. 144).

Большое количество **фразеологизмов** делает тексты Довлатова яркими, а фразы запоминающимися. *«Мы не имели делового опыта. Ломились в открытые двери. Изобретали бесчисленные велосипеды. Безбожно коверкали английский язык»* (Довлатов 2006, С. 108). Фразеологические обороты задают юмористический тон, даже если речь идет

о серьезных проблемах: *«Пожар случился – КГБ тому виной. Издательство рукопись вернуло – под нажимом КГБ. Жена сбежала – не иначе как Андропов ее охмурил. Холода наступили – знаем, откуда ветер дует»* (Довлатов 2006, С. 116). Довлатов использует фразеологизмы, чтобы показать свое отношение к ситуации. Так, в одной из своих колонок, рассуждая о завершающейся предвыборной кампании и о кандидатах в президенты, он пишет: *«Шансы у обоих равные. И достоинства у каждого – внушительные. Картер – набожен, честен, сострадателен. Рейган – тверд, принципиален, бережлив. При этом Картер – сентиментален и робок. А Рейган – безрассуден и грубоват. Картера обвиняют в попустительстве собственному брату. Рейгана высмеивают за то, что он был голливудским актером... Из двух зол принято выбирать меньшее»* (Довлатов 2006, С. 118). Автор говорит о том, что оба кандидата не годятся для этой должности, но выбирать следует того, который более безобиден и сможет причинить наименьший вред.

Особое внимание Довлатов уделяет **метафорам**. С их помощью он создает неповторимые образы. Довлатов подмечал особенности людей, предметов, поэтому его тексты обладают образно-экспрессивной окраской: *«Помню, отставной моряк дядя Леня высоко заносил уцелевшую руку, сжимающую черный костяной гробик: – За нашу великую родину! За лично товарища Сталина! Из всех наземных орудий – дуплет!!!»* (Довлатов 2006, С.121). *«Британскими лужайками зеленели усыпанные картами столы»* (Довлатов 2006, С. 123). *«Мне были вручены три увесистые колбаски. Это были жетоны разного достоинства. Доллары, полтинники и квотеры»* (Довлатов 2006, С. 123).

Большее количество метафор имеет политический оттенок: *«Смешанное чувство охватывает нас. Приятно сознавать, что тоталитарная машина дает перебои. Горько от мысли, что твоя страна голодает...»* (Довлатов 2006, С. 112). *«И вот мы здесь, на свободе. Утихла борьба за коммунистические идеалы. Спали оковы материалистических*

доктрин. Отринуты насильственные догмы. Забыты принудительные верования» (Довлатов 2006, С. 78). «О торжестве демократических принципов говорить рановато. Однако первая ласточка взмахнула неокрепшими крыльями». Вот они – результаты честной и свободной конкуренции» (о газете «Новый американец») (Довлатов 2006, С. 117).

Проблему эмиграции Довлатов видит, как болезнь, отсюда и подходящие «болезненные» метафоры: «Можно называть это как угодно. Раковой опухолью советской власти. Бельмом на глазу победившего социализма. Вечно зудящей сыпью на теле пролетарской диктатуры...» (Довлатов 2006, С. 238).

Потенциальные беженцы – проблема Советского Союза, к ним Довлатов применяет «химические» метафоры: «Эти люди – опасный фермент, источник брожения, неутомимые возмутители общественного спокойствия» (Довлатов 2006, С. 237). Но автор предлагает решение проблемы – снять «железный занавес»: «Единственный выход – отворить проржавевшие шлюзы. Торгуясь и бесчинствуя напоследок, выпустить самых активных. Ослабить, таким образом, внутреннее напряжение. Получив вдобавок зерно и компьютеры...» (Довлатов 2006, С. 238).

Свою жизнь в Америке Довлатов описывает, также используя метафору: «С февраля 79-го года мы живем в Нью-Йорке. Этот город – серьезное испытание воли, характера, душевной прочности. Здесь у тебя нет ощущения гостя, приезжего, чужестранца. И нет ощущения дома, пристанища, жилья. Есть ощущение сумасшедшего корабля, набитого миллионами пассажиров. Где все равны...» (Довлатов 2006, С. 139).

Об активности читателей газеты «Новый американец», об их письмах автор пишет, используя следующую метафору: «Через несколько месяцев они хлынули бурным потоком. Затем обрели мощь尼亚гарского водопада» (Довлатов 2006, С. 148).

«Фруктовую» метафору Довлатов использует сразу в трех разных колонках: «Есть рестораны для собак. Брачные агентства для попугаев.

Резиновые барышни для любовных утех. Съедобные дамские штанишки. Все есть. Только ностальгия отсутствует. Единственный фрукт, который здесь не растет...» (Довлатов 2006, С. 162). «Лагерь навязал мне целый ряд простых, оскорбительных истин: Всегда готовься к худшему – не ошибешься... Забудь о человечности. Этот фрукт здесь не растет...» (Довлатов 2006, С. 99). «И все-таки – присмотритесь. Мы не скороспелый фрукт в этой благодатной и плодоносящей оранжерее. Год и восемь месяцев шелестит наше корявое деревце своими бумажными листьями (о газете «Новый американец»). Год и восемь месяцев терпеливо скрипят наши бывалые перья» (Довлатов 2006, С. 212).

О зыбкости браков, их неустойчивости говорит Довлатов следующей метафорой: «Люди облакачиваются друг на друга. Так они чувствуют себя увереннее. Получается своего рода шалаши, или, вернее – карточный домик». (Довлатов 2006, С. 171). Также он призывает быть аккуратнее с таким чувством, как любовь: «Ведь любовь – довольно нежное растение. И не торопитесь вытаскивать его с корнем, чтобы убедиться, правильно ли оно растет...» (Довлатов 2006, С. 185).

Даже для таракана Довлатов подбирает красивую метафору, которая сразу преображает это существо: «Таракан безобиден и по-своему элегантен. В нем есть стремительная пластика маленького гоночного автомобиля» (Довлатов 2006, С. 188).

Со временем автор чувствует, что начинает «заболевать» Нью-Йорком, относится к нему по-другому, с большей любовью: «Таковы явные симптомы патриотизма. Нью-Йорк ужасен, и все же это – мой город. И люди здесь живут в основном симпатичные. Хоть и с легкими чертами безумия. От последнего Наврозова до мэра Коча...» (Довлатов 2006, С. 203).

Колонки редактора «оживают» во многом благодаря использованию **олицетворений**. Советский Союз представляется Довлатову, как некий организм, при том стойкий, с сильным иммунитетом. «Настоящее России – трагично. В экономике, промышленности, сельском хозяйстве заметны

*черты агонии. Идеология скомпрометирована полностью. Но, увы, тоталитарная система поразительно жизнестойка. Наделена беспримерным инстинктом самосохранения. Такой могучий организм способен агонизировать десятилетиями» («Новый американец», № 34, 27 сентября–2 октября 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 197). Страна, по Довлатову, голодает и пьёт. Она разговаривает у него со своими гражданами. *«Не пей! – уговаривает тебя государство и шепотом добавляет. – С утра... А вечером – пожалуйста. Сколько влезет...»* (Довлатов 2006, С. 367). Это свойственная Довлатову манера о серьезной проблеме, например алкоголизма, говорить с юмором, придавать ей негативный оттенок иронией, смехом.*

Для того чтобы сделать повествование интересным, автор «оживляет» неодушевленные игровые автоматы в «Новом американце», № 92, 14 – 20 ноября 1981 г. *«Машина без затруднений глотала стальные пилюли. Видимо, желудок у нее работал превосходно». «Далее – шестнадцать четвертаков последовательно и бесследно исчезли в утробе ненасытного зверя...» (Довлатов 2006, С. 219). *«Рафа при мне затолкал в щель оставшиеся жетоны, машина безмолвствовала. Мне показалось, что она злорадно ухмыляется. И даже подмигивает...»* (Довлатов 2006, С. 220). Образ дикого животного, который поедает деньги посетителей казино, воссоздаёт Довлатов в этом материале. Он наделяет его органами пищеварения и даже эмоциями.*

Похожий образ появляется в другой колонке, где автор описывает город, в котором живет. *«Нью-Йорк – хамелеон. Широкая улыбка на его физиономии легко сменяется презрительной гримасой. Нью-Йорк расслабляюще добродушен и смертельно опасен. Размашисто щедр и болезненно скуп»* (Довлатов 2006, С. 319). Кроме того, что Довлатов олицетворяет город, он подчеркивает его контрастность и переменчивость.

Яркости колонкам придают **эпитеты**. Зачастую они носят негативный оттенок: «насильственные догмы», «принудительные верования», «невыносимому гнету», «велеречивой тупостью» и «змеиным ханжеством».

Так Довлатов иллюстрирует картину реальной жизни в Советском Союзе. Особенно часто этот прием автор использует в материале «СССР – большая зона» («Новый американец», № 72, 5 – 11 июля 1981 г.): «гнусной и порочной системы», «прогнивший комсомол», «блатной романтики», «надрывная удаль», «пьяная дружба», «крайний цинизм и визгливая тюремная сентиментальность», «гнусный лагерный опыт». Тем самым автор показывает свое отношение к «многострадальной и ужасной Родине» с ее «обветшалыми коммунистическими доктринами» и газетами полными «утомительного бахвальства, лживой статистики и дутыми цифрами».

Контрастные стороны жизни Довлатов видит не только в Америке, но и в Советском Союзе: *«Народ голодает по вине собственного руководства. Экономика и сельское хозяйство безобразно запущены. Колоссальные средства расходуются на военные цели. ... Наряду с этим партийные функционеры живут отлично. Разъезжают в заграничных автомобилях. Возводят роскошные дачи. Нежатся под солнцем южных курортов»* (Довлатов 2006, С. 199). Подчеркивает эти контрасты автор за счет **антитезы**.

Довлатов видит контрастность положения между эмигрантами, считает это несправедливым: *«Аксенов и Гладилин были знаменитыми советскими писателями. Хорошо зарабатывали. Блистали в лучах народной славы. Приехали на Запад. Тут же сбежались корреспонденты, агенты престижных издательств. Распахнулись двери университетских аудиторий...А мы? Там изнемогали в безвестности. И тут последний хрен без соли доедаем!»* (Довлатов 2006, С. 277).

Американская жизнь противоречива и контрастна, но Довлатов подмечает, что это проявляется, начиная с ее архитектуры. *«На фоне шумного, роскошного, сорокаэтажного Манхэттена Гринич-Вилледж кажется тихой лужайкой. Невысокие здания, узкие переулки, маленькие экзотические кафе и рестораны...»* (Довлатов 2006, С. 284).

Довлатов противопоставляет пожилых людей двух стран: Советского Союза и Америки. Он подчеркивает уныние первых и оптимизм вторых. *«Вспомните раздражительных советских пенсионеров. Вспомните их усталые, хмурые лица. Их дешевые папиросы. Их черные пальто и бесформенные скороходовские туфли. ... А теперь пожалуйте к нам в Форест-Хиллс. Вы только посмотрите, как одеты наши старики! Как они моложавы и элегантны! Как доброжелательны и любезны!»* (Довлатов 2006, С. 348).

С помощью антитезы автор показывает, как со временем изменилось виденье эмигрантов, как постепенно прошли наивные представления о «сказочной» Америке и люди оказались в реальности. *«Сначала все было прекрасно. Свобода, изобилие, доброжелательность. Продуктов сколько хочешь. Издательств сколько хочешь. Газет и журналов более чем достаточно. Затем все было ужасно. Куриные пупки надоели. Джинсы надоели. Издательства публикуют всякую чушь. И денег авторам не платят»* (Довлатов 2006, С. 401).

Сравнения автор использует в основном для усиления выразительности. Например, описывая работу надзирателя, показывает ответственность за свои действия и тут же указывает на то, что жизнь заключенного человека ничего не стоила. *«Тебе решать – будет жить пойманный зек или убьют его на месте, как собаку»* (Довлатов 2006, С. 180). Еще одно сравнение касается этой темы: *«На воле он задохнется, как рыба»* (Довлатов 2006, С. 148). Тем самым автор подчеркивает непригодность заключенных к гражданской жизни, как рыба умирает без воздуха, так они на воле.

Через сравнение Довлатов показывает свое отношение к человеку. *«Это был человек заурядный, как железнодорожная шпала. Стандартный, как токен. Невыразительный, как солдатское белье»* (Довлатов 2006, С. 163).

Сходство своих действий с поведением рыбака, который плюет на наживу, для лучшего клева автор подчеркивает сравнением: *«Я, как рыбак, поплевал на следующий квотер и опустил его»* (Довлатов 2006, С. 219).

Также автор использует сравнение для усиления образности. *«Не желаем спорить и возражать. Пусть все будет тихо и спокойно. Как в морге...»* (Довлатов 2006, С. 310).

2.3. Стилистические приемы публицистики Сергея Довлатова

По мнению П. Вайля, Довлатов представляет собой писателя западного типа, схожего с Э. Хемингуэем. Для них было свойственно стремление к ясной, простой конкретности, краткости предложений [Вайль 1995, С.171]. Кроме этого П. Вайль замечает сдержанность довлатовского стиля: *«ни напора на читателя, ни претензий на особую духовность, ни учительства, ни пафоса»* [Вайль 2000 С.10]. Писатель действительно пишет преимущественно короткими предложениями, в которых в среднем входило 4 – 5 слов. Например: *«Я начал писать рассказы в шестидесятом году. В самый разгар хрущевской оттепели. Многие люди печатались тогда в советских журналах. Издавали прогрессивные книжки. Это было модно»* («Новый американец», № 67, 24 – 30 мая 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 137).

Эта характерная черта всего творчества Сергея Довлатова заключается в использовании стилистического приема **парцелляции**: *«Сто лет назад было все. Были правоверные. Были либералы. Присутствовал самиздат. Издавался за границей «Колокол»* («Новый американец», № 69, 7 – 13 июня 1981 г.) (Довлатов 2006, С. 146). Такая конструкция предложений позволяет добавить экспрессии в синтаксис текста. Довлатов использует прием намеренного расчленения для достижения многих целей:

1. художественно конкретизировать изображаемое, например: *«Советский хулиган – он родной и понятный. Он если бьет, то монтировкой. Или трубой. Или доской от забора. Или пивной кружкой. Или*

вилкой, на худой конец. То есть – знакомыми, полезными вещами» («Новый американец», № 39, 5 – 11 ноября 1980 г.);

2. Для расставления акцентов и выделения деталей и указания на важные моменты: *«А кто же написал знаменитые статьи? Три штуки. По числу эмигрантских волн»* («Новый американец», № 65, 10 – 16 мая 1981 г.);

3. Для создания неожиданной паузы, которая способствует увеличению эффекта неожиданности наступления действия: *«То есть проигравший отрубает себе мизинец. Или ухо. Или... Но об этом лучше промолчу. Все равно не поверят»* («Новый свет», № 4(92), 14 – 20 ноября 1981 г.);

4. Для усиления эффекта длительности действия: *«Потом я виделся с Карлом еще раз. Говорил с ним. И многое понял. Вернее, многое узнал»* («Новый американец», № 46, 24 – 30 декабря 1980 г.);

5. Для усиления изобразительного контраста: *«Произошло нечто более важное. Изменились мы сами»* («Новый американец», № 46, 24 – 30 декабря 1980 г.).

В использовании этого приема прослеживается манера автора, направленная на разговорность его текстов. Посредством парцелляции создается эффект устно-разговорной речи: *«Теперь спросите у рядового эмигранта, как по-английски – совесть? Разум? Благородство? Сострадание? Наступит тягостная пауза. И не случайно»* («Новый американец», № 35, 3 – 8 октября 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 84).

Сергей Довлатов отказывался принимать манеру официальной литературы с ее официозом и сухостью, и это противостояние заставило автора искать выход. Он нашел его в простых языковых формах, в тщательном подборе нужного слова.

В оформлении колонок редактора прослеживается манера Сергея Довлатова использовать **эпиграф**, в котором заключается главная мысль текста.

Интертекстуальность колонок проявляется в отсылке к классическим произведениям литературы. Например, в материале «Колесо фортуны»

(«Новый американец №10», 14 – 20 ноября 1981 г) Довлатов рассказывает о попытке заработать с помощью карт в американском казино. В связи с темой текста, в качестве эпиграфа автор использует отрывок из повести А. Пушкина «Пиковая дама»: «...Тройка, семерка, туз – преследовали его во сне, принимали все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз – огромным пауком. Все мысли его слились в одну... Он хотел в игрецких домах Парижа выудить клад у очарованной фортуны. Случай избавил его от хлопот...» (Довлатов 2006, С. 212). Этот эпиграф точно подобран и отражает ситуацию, в которой оказался и сам автор: он проиграл все деньги и ушел из казино ни с чем.

Каждая новая колонка редактора – это рассказ, обладающий художественной законченностью, часто такой эпизод имеет предысторию, заключенную в письме, реплике или цитате. Это становится информационным поводом для новой колонки: *«Звонят наши друзья из Бруклина: «Вы действуете неправильно! Вы обращаетесь за помощью к читателям! В Америке это не принято. Здесь любят и уважают победителей. Ценят благородство и силу...»* («Новый американец», № 37, 22 – 28 октября 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 117). *«Еще в Ленинграде мне часто приходилось слышать: «Все русские на Западе жестоко перессорились! Евреи с православными. Монархисты с демократами. Либералы с почвенниками. Первая эмиграция с третьей. И так далее...»* («Новый американец», № 42, 26 ноября – 2 декабря 1980 г.) (Довлатов 2006, С. 134).

Довлатов использует **лексику разных стилей**. При этом он делает акцент на экспрессивной лексике, которая носит положительный или отрицательный оттенок. Оценочная и окрашенная лексика позволяет автору создать эффект разговорно-обиходной речи, которая отличается живостью и меткостью изложения. Сергею Довлатова свойственна известная свобода изложения мыслей. Разговорные слова, просторечные выражения встречаем

практически в каждом тексте писателя: «страшный зануда», «попроще», «забулдыга», «магазины по-прежнему ломаются от жратвы», «халтурщиком», «башка», «голодранец», «бедлам», «шпана», «дать по физиономии», «рыдания», «бьяка» и другие.

После отчисления из института Довлатов был призван в ряды Советской армии. Его отправили в республику Коми, где он три года прослужил надзирателем в лагере особого назначения. Этот страшный и нетипичный для петербургского интеллигента опыт наложил свой отпечаток на его творчество. Этим объясняется большое количество **жаргонизмов** в его материалах: «резались в козла», «барыши», «шельмуют», «скокарь», «канают», «стукач», «намотали», «вкалываем», «за баранкой» и другие.

Этим же объясняется наличие специальной лексики: «галифе», «наган», «портупея», «казарма».

Не смотря на легкость восприятия текстов Довлатова, у него много **терминов**, в основном они связаны с политикой: «эмбарго», «диссиденты», «Коммунистическая экспансия», «тоталитаризмом», «цензурой», «госбезопасностью и функционерами ССП».

Разного рода **аббревиатуры** и сокращения: «спецнабору», «надзорсостава», «соцзаконность», «ЧП», «завмаг», «местком», «партком», «домоуправов», «Политбюро ЦК» и другие. В целом, это общепринятые советские сокращения.

Несмотря на то, что газета «Новый американец» русскоязычная, автор активно использует **англицизмы**. Это объясняется пребыванием на территории Америки. У эмигрантов не возникает трудностей с пониманием таких слов, потому что они были включены в американскую жизнь, пытались ее изучать и освоить. В основном автор использует общеизвестные англицизмы: *«Еще вчера было душно на остановке сабвея»* (Довлатов 2006, С. 376). *«На плечиках висел шоколадного цвета блейзер»*. *«Насчет самоутверждения тут все о'кей»* (Довлатов 2006, С. 294).

Иногда автор использует транслитерацию: передает английские предложения русскими буквами. Так создается комический образ эмигранта, говорящего с акцентом: *«Диар Анн энд Стивен! Вобла из э драй фиш. Итсверитэсти. Белив ми. Ай эм вэйтинг фор ю!..»* (Довлатов 2006, С. 386).

Одной из характерных черт «Колонок редактора» является их **диологизация**. Довлатов использует в своих текстах диалоги с самыми разными людьми: дворниками, писателями, эмигрантами, заключенными и многими другими. Этот прием позволяет автору приблизить читателя к реальной ситуации, дать речевую характеристику героя, показать его манеру говорить, и тем самым создать неповторимый образ человека. *«Когда Бродского спросили: – Над чем вы работаете? Поэт ответил: – Над собой...»* (Довлатов 2006, С. 114).

При этом прослеживается однотипность конструкций ввода прямой речи некоего собеседника, в уста которого Довлатов вкладывает свои мысли. Вначале следует небольшое вступление: *«Как-то беседовал я с приятелем...»*; *«Представьте себе такой диалог...»*, *«Допустим, я говорил...»*. Он вводит неизвестных никому персонажей, чтобы говорить за них, чтобы разбавить свои тексты простыми разговорами: *«Представьте себе такой диалог. Некто утверждает:*

– Мне кажется, Чехов выше Довлатова!

А в ответ раздается:

– Неправда. Довлатов значительно выше. Его рост – шесть футов и четыре дюйма...

Оба правы. Хоть и говорят на разных языках...» (Довлатов 2006, С. 156].

Отличительной особенностью текстов Сергея Довлатова в газете «Новый американец» является использование им **авторских ремарок**. В колонках писателя они выполняют разные функции:

1) Комментирование: *«Редактор Холопов (негодяй высшей марки) знал, что я печатаюсь в «Континенте»* (Довлатов 2006, С. 86). *«Эти люди*

привыкли молиться очередным богам. (Неизменно расшибая при этом свои узкие лбы.) И менять убеждения, прочитав свежий номер газеты» (Довлатов 2006, С. 106);

2) Сообщение дополнительных условий: *«Сначала руководство «НРС» отказалось дать условия нашей подписки. (Что, кстати сказать, незаконно.)» (Довлатов 2006, С. 86);*

3) Прояснение смысла: *«Особняком возвышался Лев Толстой с его духовными поисками. Сейчас это место занимает, допустим, Битов. Или – покойный Трифонов. (Я не сравниваю масштабы дарования. Я говорю о пропорциях)» (Довлатов 2006, С. 146). «На конференции он был представлен в двух лицах. (Слово «ипостаси» – ненавижу!) Как независимый писатель и как заместитель Максимова» (Довлатов 2006, С. 154);*

4) Для придания юмористического оттенка: *«(Кстати. В этом же гастрономе моему приятелю довелось увидеть записку, лежащую на крышке цинкового бака: «Зина, сметану не разбавляй. Я уже разбавила»)» (Довлатов 2006, С. 103);*

5) Указание места или времени действия: *«Дома бытовало всеобъемлющее ругательство – «еврей» (Дома – в совете)» (Довлатов 2006, С. 115). «Один газету читает. Другой в окошко загляделся. (Благо за окном сплошная тьма.)» (Довлатов 2006, С. 119).*

Манера Довлатова комментировать свой текст отличает его от других писателей. Особенно ярко эта черта проявляется в его колонках. Он расставляет своеобразные примечания, но, не желая навязывать читателям свое мнение, заключает высказывания в скобки, демонстрируя тем самым их необязательность.

2.4. Публицистические приемы в газете «Новый американец»

Поскольку публицистика носит воздействующий характер и призвана вызвать у читателя определенное отношение к передаваемой информации,

Довлатов стремится максимально обогатить свои колонки публицистическими приемами.

Автор использует **вопросно-ответную форму**, чтобы предупредить возможные вопросы читателей и сразу отвечает на них в своих текстах: *«Может быть, тяготение к счастью? Или неутихающая классовая борьба? Да ничего подобного! В основе мирового исторического процесса лежит банальный комплекс неполноценности»* (Довлатов 2006, С. 161 – 162).

Довлатов высказывает свои мысли на тот или иной вопрос, зная, что на него не ответит оппонент: *«Чем мы так досадили Вам, господин Седых? Я могу ответить на этот вопрос. Мы досадили Вам фактом нашего существования»* (Довлатов 2006, С. 201).

Неоднократно автор не требует ответа, а задает вопрос, чтобы уточнить и объяснить сказанное: *«Означает ли все вышесказанное, что литература лишена возможности оказывать благотворное нравственное воздействие на читателя? Ни в коем случае»* (Довлатов 2006, С. 234 – 235).

Этот прием позволяет автору высказать свое мнение: *«Молодой, знаменитый, богатый, талантливый, умный, красивый и честный... Можно такое пережить без конвульсий? Не думаю...»* (Довлатов 2006, С. 372).

Безусловно, Довлатов использует **риторические вопросы** в своих колонках. В количественном отношении их может быть больше, чем утвердительных предложений. *«А теперь мне хочется задать читателям вопрос: – Не уподобляемся ли мы этому тюремному философу? Живем мы или тянем срок? И вообще, кто мы такие? Безответственные малолетки или взрослые люди? Способны ориентироваться в мире идей? Или нужен милиционер-регулирущик? Желаем думать самостоятельно? Или пусть думает начальство?»* (Довлатов 2006, С. 309). Автор четко адресует свои вопросы читателю, а не абстрактной аудитории. Довлатов призывает поразмыслить советского человека над своим положением и изменить его.

Кроме этого, Довлатов многократно употребляет **риторические восклицания**. Он выражает свое отношение к сообщаемому: *«Наивные*

люди! Они думают, что американский хлеб попадает на стол русскому человеку! Аргентинское мясо зашипит на его сковороде! Какая глупость!» (Довлатов 2006, С. 199).

Этот прием позволяет автору усилить передаваемые чувства, «заразить» ими читателя: *«Нам скомандовали – можно! Можно все. Можно думать, читать, говорить...Какое это счастье – говорить, что думаешь! Какая это мука – думать, что говоришь!»* (Довлатов 2006, С. 240).

Риторические восклицания у Довлатова проникнуты пафосом, торжественностью и приподнятостью: *«Настанет ли конец бараньему единому сердцу?! Проснется ли в нас думающий, колеблющийся, свободный человек?!Как это говорил Виктор Некрасов – свободный человек на свободной земле!»* (Довлатов 2006, С. 310).

Для усиления эффекта воздействия на читателя автор использует **повторы**. *«Или наши души бессмертны? Но тогда мы обязаны дорожить каждой минутой! Каждой минутой...»* (Довлатов 2006, С. 148). *«Так вот, мы не против, мы – за! За правду! За свободу! За человеческое достоинство! За мир и культуру! За духовные и нравственные поиски! За нашу многострадальную родину! За приютившую нас Америку! За независимый Израиль! За мужество и талант!»* (Довлатов 2006, С. 194).

Повтор помогает Довлатову задержать внимание читателя на том или ином моменте повествования. *«Но вот появилась газета. Одни проблемы сменились другими. Чистого энтузиазма оказалось мало. И профессионального опыта – мало. И собранных денег было – мало, мало, мало...»* (Довлатов 2006, С. 255).

Повтор акцентирует внимание на детали или характерном свойстве: *«У него был заурядный костюм, заурядная физиономия, заурядная профессия сантехника»* (Довлатов 2006, С. 163).

Следующий прием, которым пользуется Довлатов – это **умолчание**. Таким образом, автор оставляет право закончить предложение за читателем.

«И снова мы растерялись. Кто же мы, в самом-то деле? То, что не коммунисты, – это ясно. Но – анти?..» (Довлатов 2006, С. 160).

Недосказанность вызывает напряженность повествования. Создается впечатление запретной темы или слова: *«Мы забыли о главном. Почта в Америке – государственная. А все государственное здесь...»* (Довлатов 2006, С. 191).

Прервать повествование Довлатов может, чтобы не шокировать читателя, не говорить лишнее, то, что покажется неприличным: *«То есть проигравший отрубает себе мизинец. Или ухо. Или... Но об этом лучше промолчу. Все равно не поверят...»* (Довлатов 2006, С. 214).

Этот прием автор использует и с целью сокращения предложения, убирая из повествования лишние слова, без которых смысл остается понятным: *«На кафедре он заметно преобращается. Говорит уверенно и спокойно. Видимо, потому, что у него мысли... Ему хорошо...»* (Довлатов 2006, С. 267).

Выводы к Главе II

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы:

1. В своих колонках Довлатов затрагивает различные темы. Он пишет о Советском Союзе и об Америке, об эмигрантах, о свободе в новой стране, о работе в газете «Новый американец»;

2. Самая крупная тематическая группа – о Советском Союзе. О Родине Довлатов пишет много, в основном с негативным оттенком. Автор отмечает, что именно государство сделало из советских граждан безответственных людей, не способных к самостоятельным действиям и самоорганизации. Также Довлатов говорит о недостоверности информации в Союзе, о подмене реальной действительности «дутыми» цифрами. Автор обращает наше внимание на отсутствие критичности в сознании советского человека, поскольку критику не поддерживали и за нее жестоко наказывали. Кроме

этого, Довлатов отмечает, что в Союзе мало что знали о руководителях страны, обычным людям они представлялись кем-то недостижимым, полубожествами. Однако ностальгия присутствует в публицистике Довлатова;

3. Сергей Донатович в колонках редактора показывает отличие Америки от Советского Союза. Из-за отсутствия информации на Родине Америка стала открытием для многих эмигрантов, их многие надежды не оправдались. Создавая газету, Довлатов ожидал активность читателей, как советских, но ошибся. Новый читатель другой, он обрел свободу и у него множество путей ее применения. В Америке другое отношение к литературе и писателям. Здесь они не пользуются тем уважением и почетом, как в Советском Союзе. Литературной деятельностью нельзя заработать на жизнь, поэтому многие осваивают другие профессии. Америка ценит предприимчивых людей. Здесь каждый должен быть дельцом, разбираться в бизнесе и финансовых делах. Именно отсутствие деловитости, американского опыта, первичных экономических знаний стали главными причинами крушения «Нового американца»;

4. Многократно в своих колонках Довлатов поднимает тему свободы. Именно ради нее писатель эмигрировал, к ней он стремился. Но в его сознании она была идеализирована, поэтому американская свобода во многом разочаровала Довлатова. Американская свобода заключалась для эмигрантов в многообразии выбора. Здесь есть все необходимое от одежды до книг, которые запрещены на родине. Есть и множество возможностей, но, по словам автора, одна из них – прогореть, разориться. Он считал, что американская свобода поможет раскрыть талант, она подарит новое вдохновение, однако ничего подобного не произошло, он разочаровался в демократии и свободе. По мнению Сергея Довлатова, человеку в первую очередь следует обрести житейскую свободу и раскованность, быть естественным, поступать и одеваться не так, как требует общественность, а как хочется, только тогда он может стать по-настоящему свободным;

5. С третьей волной эмиграции из СССР преимущественно выехали деятели искусства, творческая интеллигенция. Довлатов сравнивает эмигрантов с заключенными, которые после долгого заключения, привыкли к неволе и, вырвавшись на свободу, не знают, что делать. Люди привыкли к советским указаниям, директивам, которые подсказывают, что делать и как поступать, а в Америке этого нет, поэтому им трудно. По мнению автора, третья волна разделилась на два лагеря: тех, кто против американцев, считая их глупыми, и тех, кто против русских, которые, по их мнению, не образованные. По мнению Довлатова, третья волна эмигрантов не хуже и не лучше остальных. Просто все разные, как и в любой человеческой общности. Автор с благодарностью пишет о прошлых эмигрантах, ведь они помогли новым американцам устроиться, на основе их опыта третья волна адаптировалась в новой стране;

6. Работа в газете «Новый американец» стала для Сергея Довлатова важной частью жизни. Не смотря на то, что он никогда не хотел быть журналистом, Довлатов полностью погрузился в газетную жизнь. В колонках редактора он описывал события через призму собственной жизни, поэтому тема газеты носит оттенок личности автора. Довлатов с трепетом относится к газете, считал ее своим детищем. Поэтому ему было неприятно осознавать, что газета в Америке – это товар.

Газете пророчили короткую жизнь, но Довлатов всегда верил в успех своего дела. «Новый американец», как молодое издание, имело много проблем: финансовых, творческих, организационных. Но его поддерживали любовь к работе коллег-журналистов, уверенность в правоте своего дела, доверие и энтузиазм читателей. Газета почти не зарабатывала, а журналисты выполняют несколько обязанностей сразу.

Довлатов постоянно отмечает, что главные в газете ее читатели. Именно они могут повлиять на ее формат, содержание;

7. Мы наблюдаем смешение публицистического и художественного в текстах Сергея Довлатова. Стремление к эмоциональной насыщенности

языка колонок побуждает автора использовать различные приемы выразительности.

Для колонок редактора характерен полистилизм – совмещение слов и выражений из различных пластов языка, относимых к высокой, книжной лексике или, наоборот, к разговорной.

С одной стороны по многим признакам (изложение-рассуждение, использование индивидуально-авторских средств, изобразительно-выразительных ресурсов языка) тексты, включенные в колонки Довлатова близки к публицистическому эссе. Но с другой стороны, их можно рассматривать как разновидность очерка, поскольку в нем сочетаются достоверно описанные события, убедительно представленные персонажи – реальные люди, глубокие доказательные рассуждения.

В итоге колонки редактора включают в себя тексты, относящиеся к группе художественно-публицистических жанров и дают читателю возможность воспринимать проблему в образной, конкретно-чувственной форме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судьба писателя была ни ужасной, ни легкой. Жизнь Довлатова наполнена литературой, любовью, семьей и друзьями. Успех и признание пришли только на четвертом десятке лет и далеко от родных мест. Писатель, национальность которого – «ленинградец», «по отчеству – с Невы», добился признания в Соединенных Штатах Америки, а на родине его оценили только посмертно.

В основу его публицистики легла собственная жизнь, события, произошедшие с ним или его близкими. События эти не всегда носили позитивный характер, наоборот, подчас они были трагичны, но в любом случае поучительны.

Публицистическая деятельность Сергея Довлатова в газете «Новый американец» нашла отражение в большей степени в его «Колонках редактора». Для них было свойственно стремление к ясной, простой конкретности, краткости. Автор пишет преимущественно короткими предложениями, в которых в среднем входило 4-5 слов. В этом заключена творческая манера письма Довлатова в колонках.

Колонка редактора занимали полторы машинописных страницы. Но этого хватало Довлатову, чтобы высказаться на самые разные темы. В целом «Колонки редактора» можно разделить на пять крупных тематических группы: о Советском Союзе, об Америке, о свободе, об эмигрантах и эмиграции в целом, о работе в газете «Новый американец».

За какую бы тему ни брался писатель, будь она связана с Советским Союзом или с Америкой, там всегда действуют обычные люди, не герои, не титаны. В «Колонках редактора» он не стремился внушить людям свою точку зрения, навязать свое мнение, он просто рассказывал, как живут его современники. Ничего не скрывая и не приукрашивая. Однако главная черта публицистической деятельности Довлатова в газете «Новый американец» – отсутствие морали, поучительной интонации. Автор не стремится

морализаторствовать, потому что сам зачастую не знает ответов на поставленные вопросы.

«Колонки редактора» задавали тон всей газеты «Новый американец». Он умел преподнести через юмористические символы, образы жизнь в СССР и США, представить типичного эмигранта, даже о тяжелом положении газеты он говорит с характерным ему юмором. В целом для еженедельника, который возглавлял Сергей Довлатов, были характерны установка на полемичность, приглашение читательской аудитории к совместному размышлению над проблемой, стремление уйти от назидательности и традиционных литературных направлений и методов.

В оформлении колонок редактора прослеживается тенденция к использованию эпитафия, в котором автор выносит главную мысль текста. Интертекстуальность колонок проявляется в отсылке к классическим произведениям литературы.

Кроме этого, Довлатов использует лексику разных стилей. Он делает акцент на экспрессивной лексике, которая позволяет автору создать эффект разговорно-обиходной речи, отличающейся живостью и простотой. Сергею Довлатову свойственна известная свобода изложения мыслей, поэтому разговорные слова, просторечные выражения встречаются в каждой колонке писателя. Сергей Довлатов отказывался принимать манеру официальной литературы с ее официозом и сухостью, и это противостояние заставило автора искать выход. Он нашел его в простых языковых формах, в тщательном подборе нужного слова.

Колонки Довлатова представляют собой связь художественного и публицистического. Это проявляется в выразительных приемах, которые использует автор. Усиления образности и выразительности Довлатов достигает, используя сравнение, эпитеты, олицетворения. Довлатов умел подметить особенности людей, предметов, их отличительную деталь и выразить это через метафору, однако немало метафор носят политический характер. Контрастные стороны жизни в Америке и в Советском Союзе автор

подчеркивает с помощью антитезы. Фразеологизмы делают тексты Довлатова яркими, а фразы запоминающимися.

Автор дает яркую речевую характеристику героям своих колонок, он подмечает важные особенности в их разговоре, которые выделяют их, и благодаря которым каждый читатель сможет узнать этого персонажа. Текстам Сергея Довлатова свойственна глубокая ироничность. Кроме этого, его колонки не лишены самоиронии. Довлатов не боится критики, и сам не прочь посмотреть на себя критично.

Колонки изобилуют яркими иллюстрациями, картинками жизни, которые могут становиться поводом для рассуждений. Авторское начало в эссе чрезвычайно велико: фактически все изложение дается сквозь призму восприятия Довлатова. Взаимодействие анекдотической картины мира с реальной прослеживается в «Колонках редактора», где автор показывает нравственный выбор, поведение и действия персонажей, тем самым, лишая тексты необходимости морали, поучения, поскольку предоставляет читателю самостоятельно сделать выбор.

Эмигрантский период Сергея Довлатова интересен тем, что писатель обрел свободу, начал печататься, превратился в объект восхищения и почитания, а затем стал знаменитостью в позднем Советском Союзе. В Америке писатель раскрылся с журналистской и редакторской стороны. Довлатов был и на родине замечательным журналистом, но его талант сковывали рамки советской прессы. Его газетные колонки и радиоскрипты 1980-х годов – та высота в русской журналистике, взять которую едва ли кому-нибудь удастся.

Подводя итог, отметим, что проведенное исследование не исчерпывает до конца рассмотренные проблемы. Перспективность дальнейших изысканий в данной области очевидна: требует обстоятельного изучения определение места колумнистики в публицистике автора, а также биографичность его журналистских материалов и переплетение их тематики с художественными произведениями Довлатова. Таким образом, данные перспективы

раскрывают возможности дальнейших научных исследований в области журналистского творчества Довлатова и обосновывают теоретическую значимость проведенного исследования, которое может быть использовано как базис для будущих научных изысканий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анастасьев Н. «Слова - моя профессия»: О прозе С. Довлатова // Вопр. лит. 1995. – №1. – С. 3-22;
2. Арьев А. Ю. Наша маленькая жизнь. Вступительная статья // Довлатов С. Д. Собрание прозы в 3-х томах. Издание второе. – СПб.: Лимбус Пресс, 1995. – С. 4-6.
3. Бобров, А. Феномен Довлатова / А. Бобров // День литературы. – 2013. – №3 (март). – С. 1-3.
4. Бродский И. А. О Сереже Довлатове («Мир уродлив, и люди грустны») // Довлатов С. Д. Собрание прозы в 3-х томах. Т. 3. Издание второе. – СПб.: Лимбус Пресс, 1995. – С. 359.
5. Вайль П. Довлатов на Бродвее // Иностран. лит. 1995. № 6. С. 171.
6. Вайль П. Л. Без Довлатова // Малоизвестный Довлатов: Сборник. – СПб.: АОЗТ «Журнал "Звезда"», 1997. – С. 464.
7. Вайль П. Л., Генис А. А. Искусство автопортрета // Звезда. 1994. № 3. – С. 120-180.
8. Вайль П. Он до своей славы не дожил несколько месяцев. Исполнилось 10 лет со дня смерти Сергея Довлатова Текст. / П. Вайль ; беседовала Т. Вольтская // Лит. газета. 2000. - № 37. - С. 7-10.
9. Волкова М. «Там жили поэты...» : художественная лит-ра / М. Волкова, С. Д. Довлатов. – Санкт-Петербург, 1998. – С.112.
10. Выгон Н. Современная русская философско-юмористическая проза: проблема генезиса и поэтики. Дис. ... док. филол. наук., 2000 – С.100-114.
11. Генис А. Обратный адрес. – М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016, – С. 448.
12. Геннис А. Бродский и Довлатов: (Классики русской Америки) / А. Геннис // Новая газета. – 2015. – 21 августа. – С. 18-19.

13. Граймз У. Роман о преступлении и наказании сибирским морозом (С. Довлатов. Зона. Записки надзирателя) // Звезда. 1994. № 3. – С. 203-204.
14. Гудман У. О книге С. Довлатова «Компромисс» // Звезда. 1994. № 3. – С. 200 – 201.
15. Джон Глэд. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. – М.: Кн. Палата, 1991. – С. 320.
16. Доброзракова Г. Литературная династия: Донат Мечик– Сергей Довлатов / Г. Доброзракова // Вопросы литературы. – 2015. – №5. – С. 183-209.
17. Иванова С. Нелишний человек // О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания. - Нью-Йорк; Тверь: «Другие берега», 2001 – С. 224.
18. Каледин С. Е. Встреча с Сергеем Довлатовым, не встреча с Сергеем Довлатовым, собачье сердце // Звезда. 1994. № 3. – С. 168-170.
19. Кочеткова Н. Текст важнее реальности: (О книге Валерия Попова «Довлатов», вышедшей в серии «ЖЗЛ») / Н. Кочеткова // Знак вопроса. – 2015. – №12. – С. 67-70.
20. Кудрин О. Довлатов как культ / О. Кудрин // Новый мир. – 2014. – №1. – С. 162-174.
21. Кулл, В. Бессмертный вариант простого человека // Довлатов С. Последняя книга: Рассказы, статьи. - СПб.: Азбука-классика, 2001 – С. 237 - 247.
22. Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие / Под общ. ред. А. И. Смирновой. – Москва : Флинта ; Наука, 2006. – С. 640.
23. Лосев Л. Русский писатель Сергей Довлатов // Довлатов С. Д. Собрание прозы в 3-х томах. Т. 3. Издание второе. – СПб.: Лимбус Пресс, 1995. – С. 364.
24. Лэрд С. Ненавязчивые истины. (С. Довлатов. Иностранка. Представление и другие рассказы) // Звезда. 1994. № 3. – С. 204-205.
25. Малоизвестный Довлатов: Сб. / С.Д. Довлатов. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 511.

26. Мотыгина Ж. Ю. Творческая индивидуальность Сергея Довлатова: монография. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2006. – С. 124.
27. Найман А. Г. Персонажи в поисках автора (Памяти Сергея Довлатова) // Звезда. 1994. № 3. – С. 127-128.
28. Неминущий А. Н. Сергей Довлатов: Письма эмигранта / А. Н. Неминущий // Культура русской диаспоры: Эмиграция и мемуары : сб. статей. – Таллин, 2009. – С. 220–229.
29. Нехорошев М. М. Веллер и Довлатов: битва героев и призраков // Нева. 1996. № 8. – С. 183-191.
30. Орлицкий Ю. Б. Стиховое начало в прозе «третьей волны» // Литература «третьей волны»: Сб-к науч. статей. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. – С. 45-46.
31. Орлова Н. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: семиотические механизмы и фольклорная парадигма. Дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2010 – С. 173.
32. Писатель в эмиграции: Журнал «Слово – Word», № 9 (дополненное издание), 1991. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sergeidovlatov.com/books/slovo.html>
33. Плотников, А.Г Традиции русской классической литературы в творчестве С.Д. Довлатова: автореф. Дис. . канд. филолог. наук. - М., 2008.
34. Понять Довлатова: (К 70-летию со дня рождения) / А. Л. Глотов // Русский язык и литература в учебных заведениях . – 2011. – №4. – С. 27-31.
35. Попов В. Г. Довлатов. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2010.– С. 368.
36. Попов В. Г. Кровь – единственные чернила // Звезда. 1994. № 3. – С. 100-141.
37. Погосян Н.В. Коммуникативные стратегии в прозе С. Довлатова («Ремесло», «Наши», «Чемодан»): дисс. ...канд. филол.н.-М., 2012 – С. 178.
38. Пруссакова И. В. Вокруг да около Довлатова // Нева. 1995. № 1. – С. 194-198.

39. Рейн Марк. Знаменитые эмигранты из России. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1999. – С. 320.
40. Рейн Евгений. Мне скучно без Довлатова / Поэмы и рассказы. – СПб.: Лимбус Пресс, 1997. – С. 296.
41. Сальюн Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. - М.: Прогресс-Традиция, 2008 – С. 258.
42. Сергеев С. С чеховской улыбкой: (Сергей Довлатов: кажущаяся простота, а под ней трагизм) / С. Сергеев // Независимая газета + НГ – ЕХ LIBRIS. – 2015. – 20 августа. – С. 2-5.
43. Скарлыгина Е.Ю. Журналистика русской эмиграции: 1960 - 1980-е годы. - М., 2010. - С.72-89
44. Соловьев В. Быть Сергеем Довлатовым/ В. Соловьев, Е. Клепникова. – М.: РИ_ПОЛ классик, 2014. – С. 186-187.
45. Солганик Г.Я. Выразительные ресурсы лексики публицистики // Поэтика публицистики. - М.,1990. - С. 5-11.
46. Сухих И. Сергей Довлатов. Время, место, судьба / И. Сухих. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 286.
47. Сергей Довлатов: «Человек человеку – табула раса». Электронный журнал «В загранике» [Электронный ресурс] – Режим доступа:<http://vzagranke.ru/adaptaciya/cvety/chelovek-cheloveku-tabula-rasa-sergey-dovlatov.html>
48. Серман И. З. Гражданин двух миров // Звезда. 1994. № 3. – С. 180-192.
49. Топоров В. Л. Дом, который построил Джек (О прозе Довлатова) // Звезда. 1994. № 3. – С. 172-176
50. Тудоровская Е. А. Путеводитель по «Заповеднику» // Звезда. 1994. № 3. – С.189-199.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Довлатов С. Д. Голос: рассказы / С. Д. Довлатов. – Санкт-Петербург, 2011. – 381 с.
2. Довлатов С. Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Чемодан / С. Д. Довлатов. – Москва, 2010. – 495 с.
3. Довлатов С.Д. Марш одиноких / С. Довлатов. – Москва : Азбука, 2013. – 352 с.
4. Довлатов С. Д. Рассказы из чемодана: [рассказы, повести] / С. Д. Довлатов. – Санкт-Петербург, 2012. – 441 с.
5. Довлатов С.Д. Дар органического беззлобия (Интервью Виктору Ерофееву) 1990г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sergeidovlatov.com/books/erofeev.html>
6. Довлатов С.Д. ModernLib.Ru. Письма Ефимову.1986 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/dovlatov_serгей/pisma_efimovu/read_18/
7. Довлатов С.Д. Ремесло: Азбука-классика, 2008 – 192 с.
8. Довлатов С.Д. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. Наши / С. Д. Довлатов. – Москва, 2010. – 671 с.
9. Довлатов С.Д. Встретились, поговорили / С. Д. Довлатов. – Санкт-Петербург, 2009. – 525 с.
10. Довлатов С.Д. Старый петух, запеченный в глине / Сергей Довлатов. – Москва, 1997. – 379 с.
11. Довлатов С.Д. Заповедник: [повесть] / С. Д. Довлатов. – Санкт-Петербург, 2012. – 157 с.
12. Довлатов С.Д. Речь без повода..., или Колонки редактора: Ранее неизданные материалы / С. Д. Довлатов. – Москва, 2006. – 431 с.
13. Довлатов С.Д. Уроки чтения: филологическая проза / С. Д. Довлатов. – Санкт-Петербург, 2010. – 380 с.

14. Довлатов С. Зона // Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. - СПб.: Азбука-классика, 2004. - Т. 2.

15. Довлатов С. Армейские письма к отцу // Довлатов С. Сквозь джунгли безумной жизни: Письма к родным и друзьям. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003.